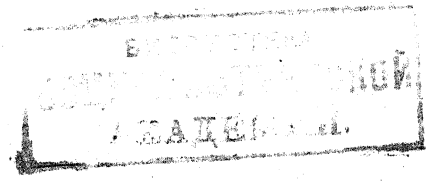
Религіозно-общественная библіотека.
Серія I. № 3.

В. Ф. Эрнъ.

ХРИСТІАНСКОЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ СОБСТВЕННОСТИ.

Складъ изданій: Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ, книжный магазинъ Д. П. Ефимова.
1906 г.

Дозволено цензурою. Ростовъ н/Д., 3 сентября 1905 г.



209874

Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.

Христіанское отношеніе къ собственности.

(посвящается памяти вл. с. соловьева).

Въ настоящемъ очеркѣ я вовсе не думаю говорить о собственности «всячески» и «вообще». Происхожденіе, различныя формы историческаго развитія и, наконецъ, научныя и ненаучныя теоріи собственности—все это я, конечно, буду имѣть въ виду, но всего этого въ данномъ очеркѣ касаться не буду. Съ другой стороны, я не буду говорить и о формахъ христіанскаго общественнаго служенія во всемъ громадномъ размѣрѣ этого вопроса. Я себѣ ставлю небольшую и частичную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ опредѣленную задачу.

Какъ ни понимать сущность собственности, какъ ни оцѣнивать или критиковать ее съ какой бы то ни было точки зрѣнія—все же остается совершенно несомнѣннымъ и для всѣхъ безспорнымъ, что собственность есть *крупнѣйшій фактъ* человѣческой жизни и имѣетъ значительное вліяніе на формировку и структуру всѣхъ человѣческихъ *отношеній* вообще и общественныхъ и политическихъ въ особенности. *Причинно* объяснять такое положеніе вещей можно, конечно, очень разно, и это объясненіе будетъ всецѣло опредѣляться метафизическими воззрѣніями *объясняющаго*, такъ какъ доселѣ метафизическія представленія являются принадлежностью и, такъ сказать, «частной собственностью» отдѣльныхъ лицъ, а не общимъ достояніемъ. Но что собственность есть такой видимый узелъ, въ который *какъ-то* вплетаются и съ которымъ *какъ-то* связываются чуть ли не всѣ проявленія человѣческой жизни—этого отрицать не станетъ никто. Вѣдь большая часть человѣческаго рода громадную долю жизненной энергіи кладетъ на пріобрѣтеніе средствъ къ жизни, т. е. нѣкотораго рода собственности; съ другой стороны, самое интим-

ное творчество какого-нибудь современнаго поэта возможно только при условіи извѣстной обезпеченности, т. е. при наличности нѣкоторой собственности.

Но разъ собственность есть такое крупное и рѣшительно важное явленіе,—то, конечно, у человѣка, какъ у такого несчастнаго существа, котораго никакія научныя теорія и никакая цивилизація не могутъ отучить отъ привычки интересоваться (вопреки, казалось бы, неопровержимой логикѣ насущныхъ интересовъ) не только тѣмъ, что *есть*, но и тѣмъ, что *должно быть*,—у человѣка помимо вопроса о томъ, что такое собственность *есть*, необходимо встаетъ вопросъ и о томъ, чѣмъ собственность *должна быть* и каково должно быть отношеніе къ ней со стороны человѣческаго сознанія. Послѣднее, можно сказать, «вообще» окрашено моральной окраской и является такъ или иначе проникнутымъ этическими идеями. И потому отношеніе такого человѣческаго сознанія, моральнаго «вообще», къ факту собственности,—къ чести человѣчества было съ достаточной силой и многообразно опредѣляемо на памяти исторіи. Но это же самое сознаніе, хотя и очень часто, является видимо окрашеннымъ христіанской окраской—чрезвычайно рѣдко бываетъ дѣйствительно проникнуто христіанскими идеями и духомъ Христовымъ, а потому совсѣмъ не къ чести представителей историческаго христіанства отношеніе христіанскаго сознанія къ громадному факту собственности до сихъ поръ еще не было опредѣлено достаточно полнымъ и дѣйствительно *христіанскимъ* образомъ.

Моей задачей и является въ этомъ очеркѣ приступить къ опредѣленію этого отношенія и, поставивъ ребромъ нѣсколько основныхъ вопросовъ, сюда относящихся, попытаться посильно на нихъ отвѣтить. Для вѣрующаго христіанина (приходится говорить такъ потому, что въ наше время существуетъ масса христіанъ невѣрующихъ: «христіанъ кесаревыхъ», «христіанъ государственныхъ», «христіанъ владѣльческихъ»—имя же владѣльца — Мамона) — тутъ представляется возможнымъ три вопроса: 1) Каково должно быть отношеніе каждаго отдѣльнаго вѣрующаго къ своей частной собственности? 2) Каково должно быть отношеніе, въ средѣ вѣрующихъ, объединенныхъ въ церкви, къ собственности вѣрующихъ и принадлежащихъ къ Церкви. 3) Каково должно быть отношеніе вѣрующихъ къ собственности не-

вѣрующихъ (или иначе вѣрующихъ) и не принадлежащихъ (или не хотящихъ принадлежать) къ Церкви? Послѣдній вопросъ является «камнемъ преткновенія», о который, спотыкаясь, многіе христіане изъ не-Христовыхъ теряли окончательно свои христіанскія *манеры* и обнаруживали свое настоящее естество,—а потому для меня онъ является главнымъ, хотя и первые два вовсе не такъ ужъ ясны, потому что рѣшались они правильно очень и очень давно, такъ что даже тѣ, кому слѣдовало бы помнить, просто забыли объ этомъ, должно быть, за дальностью «историческаго разстоянія». Ибо многіе ли изъ учителей учительствующихъ и богослововъ богословствующихъ знаютъ, напр , и дѣйствительно понимаютъ обрученіе Радости человѣчества—святого блаженнаго Франциска Ассизскаго съ Бѣдностью? И многіе ли знаютъ и дѣйствительно понимаютъ, какъ жили и думали первыя христіанскія общины, когда не остыла еще въ нихъ первая любовь, и они свѣтились живыми впечатлѣніями радости, о только что прошедшемъ и обитавшемъ среди нихъ и опять скоро грядущемъ въ славѣ и силѣ Спасителѣ?

Вотъ почему мнѣ все же придется начать съ первыхъ двухъ вопросовъ и кратко на нихъ отвѣтить.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Итакъ, каково должно быть отношеніе каждаго вѣрующаго къ своей частной собственности? какъ смотритъ на это Евангеліе?

Казалось бы, въ Евангеліи на этотъ счетъ есть нѣсколько такихъ опредѣленныхъ словъ, что сомнѣній никакихъ быть не можетъ. И однако же, тѣмъ не менѣе... не даромъ на святые свитки цѣлыхъ 19 столѣтій ложилась «пыль земли». Требуется огромный трудъ и громадное напряженіе, чтобы приподнять покровъ и самому безъ искажающихъ посредниковъ начать разбирать и читать священныя письмена и понимать ихъ такъ же непосредственно и просто, какъ непосредственно и просто они были написаны. Въ ходячей литературѣ какъ будто умышленно распространяютъ взгляды, противоположные евангельскимъ и очень искусно, обильными явными ссылками на нейтральныя мѣста, тайно имѣя въ виду status quo, ухитряются создавать иллюзію,—что тѣхъ прямыхъ словъ въ Евангеліи

совсѣмъ и нѣтъ, что взгляды эти Евангеліемъ не только не отрицаются, но даже одобряются: поистинѣ «сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ» (Лук. XVI, 8). Поэтому необходимо остановиться на томъ, что какъ будто бы, по всѣмъ соображеніямъ, должно было бы считаться совсѣмъ *элементарнымъ*.

Итакъ, какъ отвѣчаетъ Евангеліе на поставленный вопросъ?

I.

Прежде всего въ Евангеліи совершенно ясно устанавливается, что принятіе Христа связывается съ какимъ-то *перерывомъ*. Надъ старымъ ставится крестъ,—начинается *новое*. «Древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. V, 17). Для вступленія въ Царствіе Божіе нужно вновь *родиться*. «Истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа—не можетъ войти въ Царствіе Божіе» (Іоан. III, 3 — 5). Потребно новое *твореніе*: «кто во Христѣ тотъ новая тварь — καινὴ κτίσις»—(2 Кор. V, 17). «Во Христѣ Іисусѣ ничего не значитъ ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а *новая тварь*» (Гал. VI, 15).

Это въ порядкѣ мистическомъ.

Въ порядкѣ же психологическомъ, т. е. въ сознаніи человѣка, при привлеченіи ко Христу есть одинъ моментъ, когда онъ долженъ *отречься* для Христа отъ всего. «Если кто хочетъ итти за Мной, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мной» (Мѳ. XVI, 24). Есть моментъ, когда онъ долженъ *встать* и пойти. «Іисусъ увидѣлъ человѣка, *сидящаго* у сбора пошлинъ, по имени Матѳея и говоритъ ему: слѣдуй за Мной. И онъ *всталъ* и послѣдовалъ за Нимъ». Тутъ разомъ, мгновенно и разъ навсегда должны быть порваны связи, соединяющія съ грѣшной землей, положенъ конецъ природной жизни для вступленія въ сверхприродный строй благодати и даровъ. Въ этомъ моментѣ отреченія и разрыва какая-нибудь половинчатость и раздумье совершенно немыслимы: «никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, неблагопадеженъ для Царствія Божія» (Лук. IX, 62). И потому, отрекаясь, нужно отрекаться дѣйствительно отъ всего. Даже самое лучшее и святое, но человѣческое и природное должно быть откинуто на мгновеніе, хотя бы для *претворенія* въ новое. Что можетъ быть чище и святѣе привязанности дѣтей

къ родителямъ и однако-жъ Христосъ, Который трости надломленной не переломилъ, льна курящаго не затушилъ, — Христосъ сказалъ слова, жестокія для *мірского* уха: «если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери своей, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ» (Лук. XIV, 26). Значитъ, какъ-то можетъ *столкнуться* любовь къ родителямъ и къ домашнимъ съ любовью ко Христу и даже отъ первой во имя второй нужно отречься. *Вода* должна быть претворена въ *вино*. Человѣкъ долженъ оттолкнуться отъ земли, *отдѣлиться* отъ нея хоть на минуту, чтобы стать отъ нея свободнымъ. Эта свобода необходима, ибо святое человѣческое *до* этого перерыва связано неразрывными *естественными* связями, звено за звеномъ, съ человѣческимъ злымъ и грѣшнымъ. Ступень къ ступени приложена прочно, восхожденіе и нисхожденіе постепенны, непрерывны, а внизу и наверху на разныхъ концахъ лѣстницы—идеалъ содомскій и идеалъ Мадонны. Чтобы освободиться отъ перваго, нужно на мгновеніе стать свободнымъ и отъ второго. Нужно скинуть съ себя *всѣ* ветхія одежды, до полнаго обнаженія,— для того, чтобы подъ новыми не оказалось ветхихъ.

Но если нужно отреченіе отъ *всего*, то значитъ и отъ личной собственности. Значитъ, весь вопросъ въ томъ: можетъ ли быть удержана личная, частная собственность *послѣ* отреченія (какъ любовь къ родителямъ) и претворена въ новое?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить только *отрицательно*.

Каковы бы ни были внѣшнія условія, потребныя для такихъ и такихъ-то безусловно необходимыхъ дѣйствій (для научныхъ изслѣдованій—книги, для ремесленнаго производства—инструменты и т. д.)— они не опредѣляютъ необходимость *собственности*, для нихъ достаточно владѣнія, пользованія. Существенный признакъ собственности «мое» въ противоположность всякому другому вносится не этими внѣшними условіями, а *психическимъ моментомъ*, «присвоеніемъ», внутреннимъ постановленіемъ предѣла, границы и препятствія для другого. А ужъ фактическая сила и этотъ психическій моментъ отчужденія и огораживанія матеріализуетъ и овеществляетъ такъ, что другой уже *фактически* натыкается на физическую невозможность пользоваться вещью — собственностью другого. Живой нервъ

собственности имѣетъ своимъ «сѣдалищемъ» сознаніе. И разъ онъ *тутъ* уничтоженъ — собственность разсыпается, какъ ожерелье съ перерѣзанной ниткой. Собственность подобна жидкости, которая сдерживается стѣнками сосуда. «Стѣнки» эти опредѣляются не чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, а, какъ сказано, внутреннимъ психическимъ моментомъ; и разъ порывъ ко Христу разбиваетъ эти стѣнки, то ужъ отъ собственности не останется ничего. Она растекается въ разныя стороны, и неутомимость человѣческой нужды впитываетъ ее всю. А не растекаться она не можетъ: «кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ и видитъ брата своего въ нуждѣ,—затворяетъ отъ него сердце свое, какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія» (I Іоан. III, 17). «Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, и кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, *и не дастъ имъ потребнаго для тѣла*, что пользы?» (Іак. II, 15 — 16). Сколько же дней, вѣрнѣе, сколько часовъ просуществуетъ этотъ достатокъ, т. е. частная собственность, если *каждаго* брата и *каждую* сестру, которые наги и не имѣютъ пропитанія, обогрѣть и напитать и сдѣлать такъ, чтобъ они не нуждались въ томъ, что «потребно для тѣла?»

II.

Но мало *вступить* въ Царствіе Божіе — нужно еще въ немъ и *пребывать*. Мало разъ, на одинъ моментъ захотѣть свободы, нужно еще осуществить ее въ себѣ и возобладать ею. Для постояннаго же обладанія свободой, необходимо избавиться отъ всего, что стѣсняетъ, что такъ или иначе затрудняетъ движенія. Движенія должны стать легкими и свободными.

Все, что соблазняетъ, должно быть удалено, хотя бы удаленіе это было связано съ самыми тяжелыми страданіями. «Если рука твоя, или нога соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя: лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки или безъ ноги, нежели съ двумя ногами быть ввержену въ огонь вѣчный» (Мѳ. XVIII, 8—9). Отъ всего, что связываетъ и покоряетъ, нужно освободиться. Нужно быть всегда готовымъ служить Единому Господину, а потому быть свободнымъ отъ обязательствъ ко всякому другому, въ томъ числѣ и къ тому, который именуется въ Евангеліи «Мамоной», ибо «никто не можетъ служить

двумъ господамъ» (Мѳ. VI, 24). Этотъ господинъ, не въ примѣръ другимъ, притязателенъ и властолюбивъ, и потому въ Евангеліи особенно рекомендуется произвести съ нимъ *окончательный* расчетъ всякому, кто хочетъ господиномъ своимъ имѣть Христа: повторяется «не можете служить Богу и Мамонѣ». Вотъ почему на вопросъ юноши. «что мнѣ дѣлать, чтобъ имѣть жизнь вѣчную?» Спаситель отвѣтилъ: «если хочешь быть совершеннымъ, *пойди продай имѣніе твое и раздай нищимъ*» (Мѳ. XIX, 21).

Слова эти задали большую работу истолкователямъ, и они приложили всѣ усилія къ тому, чтобы какъ-нибудь ослабить значеніе ихъ, если не качествомъ, такъ хоть количествомъ соображеній, напр., такого рода, что тутъ не *завѣтъ* раздать имущество, а только *совѣтъ* (какъ будто совѣтомъ Христа можно пренебрегать!), что Христосъ тутъ сказалъ: *если* хочешь быть совершеннымъ, тогда продай имѣніе твое, ну, а если не хочешь... тогда можно и не продавать. Значитъ, можно оставаться при старомъ, ничего не мѣнять— и имущество не раздавать, «что и требовалось доказать». А нѣкоторые, болѣе находчивые и искушенные, къ этому добавляютъ, что такъ какъ считать себя совершеннымъ—является признакомъ гордости и не подобаетъ по чувству христіанскаго смиренія, то раздавать имущество совсѣмъ даже и не *нужно*... Все это, впрочемъ, вызываетъ улыбку, если только забыть, что такого рода тончайшія соображенія создавались для того, чтобы Евангеліемъ оправдывать дѣянія всякаго рода пріобрѣтателей и строителей своего благополучія на чужомъ поту.

Смыслъ приведенныхъ словъ, конечно, совершенно ясенъ. Христосъ сказалъ: «если *хочешь* быть совершеннымъ»... *Хотѣть* совершенства, конечно, не значитъ *быть* совершеннымъ, и раздача имущества вовсе еще не обозначаетъ *достиженіе* полнаго совершенства, «ибо, если я раздамъ имѣніе мое,... а любви не имѣю, то нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы» (1 Кор. XIII, 3). А разъ такъ, то раздача имущества нужна не для полнаго совершенства, а необходима, какъ предварительное дѣйствіе для всѣхъ тѣхъ, кто только *хочетъ* совершенства. А такъ какъ *хотѣть* совершенства долженъ безусловно всякій христіанинъ (ибо если даже не хочетъ совершенства — то какой онъ послѣ этого христіанинъ?), то значитъ

освобожденіе отъ имущества и раздача его нуждающимся является безусловно необходимымъ для всякаго христіанина. Необходимымъ, съ точки зрѣнія долга, прежде всего по отношенію къ самому себѣ. Имущество — собственность *мѣшаютъ*, а потому съ нимъ и нужно разстаться, чтобы быть свободнымъ. Христосъ говоритъ всѣмъ, собирающимся слушать Его:

25. Говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды?

26. Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?

27. Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту, хотя на одинъ локоть?

27. И объ одеждѣ, что заботитесь? Посмотрите на полевыя лилии, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, не прядутъ.

29. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ.

30. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; кольми паче васъ, маловѣры!

31. Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или во что одѣться?

32. Потому что всего этого ищутъ язычники... (Мо. VI).

Эти слова такъ неудобны, что ихъ обыкновенно не то чтобы комментируютъ (они какъ-то не поддаются искаженіямъ), а просто *замалчиваютъ*. Ихъ отчасти стыдятся, конфузятся, въ глубинѣ души думая, что вѣдь это наивно и даже совсѣмъ невозможно. Спорить съ послѣднимъ излишне, ибо для осмысленности спора нужна хоть нѣкоторая *общая* почва, а таковой очевидно быть не можетъ у тѣхъ, кто таитъ такія мысли, съ тѣми, кто дѣйствительно вѣруетъ въ эти слова. Можно только сказать, что слова эти сказаны тѣмъ же Христомъ, Которымъ сказаны и другія слова, и находятся въ Евангеліи отъ Матѳея и въ Евангеліи отъ Луки, что въ нихъ, какъ и въ другихъ Евангельскихъ словахъ, чудеснымъ отраженіемъ свѣтится цѣлостный образъ всего ученія Спасителя, и что они, какъ молитва Гос-

подія, являются живой формулой одной стороны христіанскаго построенія.

«Посмотрите на лилии полевыя».—Это значитъ, что нужно освободиться отъ всего «своего» сознательно-разсудочнаго, своекорыстнаго, отдѣляющаго, раздѣляющаго. Сознаніе обычно опредѣляется цѣлою массою разнорѣчивыхъ *психологическихъ* мотивовъ, какъ всякіе психологическіе мотивы, внѣшнихъ сознанію. Этого быть не должно. Сознаніе должно опредѣляться *мистически—Христомъ*. Жизнь должна строиться *извнутри,* выливаться ключемъ изъ глубинъ, быть отъ избытка и изобилія, а не отъ скудости и недостатка. Отъ оковъ эмпирической личности нужно хотя бы чрезъ хаосъ прорваться въ міры благодати и *раскрыть* свою душу для воздѣйствія Бога. Тогда мѣсто всякихъ усовершенствованій займетъ *естественный ростъ*. Любовь Божія, какъ солнечные лучи, будетъ питать душу тепломъ и свѣтомъ, и душа начнетъ *расти въ красоту*, ибо ростъ этотъ, будучи единственно реальнымъ осуществленіемъ *свободы*, въ то же время носитъ въ себѣ свои узоры и линіи, имѣетъ свою внутреннюю опредѣленность, но опредѣленность и цѣлесообразность только *красоты*: «Говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ». Значитъ, даже образъ Соломона, не дѣйствительнаго, а такъ, какъ онъ отразился въ народномъ сознаніи евреевъ, когда его изукрасили страстными религіозными чаяніями—«Соломонъ въ *славѣ* своей»—и этотъ образъ—ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, во что облечется душа, когда она уподобится лиліямъ.

Но для уподобленія лиліямъ необходимо перестать думать о томъ, что ѣсть и что пить, не заботиться о завтрашнемъ днѣ, а возможно ли при такомъ состояніи быть связаннымъ съ собственностью? Конечно, нѣтъ. Вотъ почему Христосъ непосредственно за словами: «посмотрите на лилии полевыя», говоритъ: «продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню» и ужъ тутъ не къ юношѣ одному обращеніе, а ко всѣмъ: «продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню». (Лук. XII, 33).

Тѣмъ же, кто не хочетъ разстаться съ собственностью, не продаетъ имѣній своихъ и не раздаетъ нуждающимся—Христосъ въ той же нагорной проповѣди говоритъ: «Горе вамъ богатые! ибо вы уже

получили свое утѣшеніе. Горе вамъ пресыщенные нынѣ! ибо взалкаете» (Лук. VI, 25, 26). Это «горе богатымъ» находитъ живой откликъ въ извѣстныхъ Евангельскихъ притчахъ и долго еще живетъ въ первоначальномъ христіанствѣ.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведеннаго съ достаточной опредѣленностью выяснилось, что Евангеліемъ отъ каждаго вѣрующаго, положительно требуется освободиться отъ всякой собственности. Для того, чтобъ подняться на встрѣчу Христу, для того, чтобъ быть абсолютно свободнымъ и ничѣмъ не связаннымъ въ моментъ выбора себѣ господина, нужно хоть на мгновеніе отбросить отъ себя все, между прочимъ, и собственность, а верховные законы Царствія Божія—Любовь и Свобода—превращаютъ это условное *отреченіе* на мгновеніе, въ безусловное *отрѣшеніе* навсегда отъ всего своего, т. е. и отъ частной собственности.

И, значитъ, на поставленный вопросъ: каково должно быть отношеніе вѣрующаго къ своей собственности, Евангеліе отвѣчаетъ: *Личной собственности у вѣрующихъ быть не должно.* Кто не отрѣшается отъ личной собственности, *тотъ не христіанинъ, а язычникъ*, «ибо всего этого ищутъ язычники» (Матѳ. VI, 32). Такъ говоритъ Христосъ.

III.

Сказаннаго достаточно Но полноты ради и съ тайной надеждой подѣйствовать на тѣхъ изъ христіанъ, кои почитаютъ Евангеліе книгою столь высокой и священной, что считаютъ дерзкимъ придерживаться и осуществлять его въ жизни, смиренно руководясь при этомъ «богословскими мнѣніями», я приведу еще нѣсколько соображеній богословскаго свойства.

Во-первыхъ, признаніе частной *собственности* противорѣчитъ христіанскому ученію о благодати. По этому ученію все, что есть въ насъ положительнаго, мы должны считать не своимъ, приписывать не себѣ, а Богу. Наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ удалить препятствія, создать отрицательныя условія, при которыхъ сила Божія можетъ начать въ насъ дѣйствовать. Вся свобода наша въ томъ, чтобы *хотѣть* правды. Но опредѣленія этой правды даются не нами. Достигая ея—т. е. реализуя въ себѣ внутренняго человѣка—

мы не создаемъ его, не *творимъ* его сами, ибо образъ его уже *данъ* и очерченъ творческимъ перстомъ Бога еще въ дни творенія. Мы только освобождаемъ его отъ насъ же самихъ, только отрицательно содѣйствуемъ (лучше, *не мѣшаемъ*) очищающему и возрождающему дѣйствію благодати. Въ такомъ высшемъ, т. е. настоящемъ и истинномъ смыслѣ, мы не должны почитать своимъ даже нравственные успѣхи, на которые клали *личный* подвигъ, какъ же при этомъ, при такой вѣрѣ (а кто въ это не вѣритъ, — тотъ не христіанинъ) мы можемъ почитать, дѣйствительно, *своимъ* какое бы то ни было имущество, даже пріобрѣтенное личнымъ трудомъ? Не говоря уже о томъ имуществѣ, которое могло намъ достаться по наслѣдству, т. е. безъ всякаго нашего труда, что уже несправедливо, или же еще болѣе вслѣдствіе паразитной эксплоатаціи чужого труда, что уже безусловно безнравственно. Если жъ мы не будемъ почитать имущество дѣйствительно *своимъ*, то мы не можемъ ставить препятствій пуждающимся пользоваться имъ, а при этомъ условіи оно, конечно, у насъ не удержится. Значитъ, чтобъ удержать—нужно почитать своимъ, а почитать своимъ—значитъ не признавать ученіе о благодати, т. е. не признавать Христа, возгласившаго это ученіе.

Во-вторыхъ, владѣніе личной собственностью есть или *идолослуженіе*, или *атеизмъ*. Это видно изъ слѣдующаго:

Идолослуженіе—есть приданіе религіознаго, т. е. абсолютнаго значенія вещи относительной, т. е. нарушеніе истиннаго соотношенія, существующаго между ней и всѣмъ. Этимъ ея границы, которыя не существуютъ, если она связана со всѣмъ другимъ естественнымъ нормальнымъ порядкомъ, выступаютъ наружу и очерчиваются. Каждая вещь божественна (и значитъ масса золота, серебра или дерева, изъ котораго сдѣланъ *идолъ*—тоже божественна), если умѣть воспринимать и видѣть ея истинное положеніе въ становящемся космосѣ, истинное мѣсто ея, какъ части, въ возстановленномъ кровью Христа цѣломъ. Но какъ только отрывать ее отъ всего и брать ее, какъ таковую въ ея отдѣльности и обособленности, она становится *идоломъ* Имущества и матеріальныя средства, будучи своего рода прессованной энергіей и силой въ сжатомъ потенцированномъ видѣ, могутъ быть чѣмъ-то божественнымъ, когда являются общимъ достояніемъ и правильно распредѣленными между всѣми по внутреннимъ

узорамъ освобожденнаго внутренняго человѣка. Когда же они вызваны изъ общей связи прикрѣпленіемъ къ отдѣльному лицу въ видѣ частной собственности—они становятся не только не божественными, но и прямо *демоническими*, и признаніе ихъ, какъ таковыхъ, является идолослуженіемъ. Вотъ почему апостолъ, который, конечно, умѣлъ владѣть языкомъ, употребляетъ такое видимо странное словосочетаніе; «любостяжаніе, которое есть идолослуженіе» (Кол. III, 5) (нужно еще замѣтить, что слово «идолослуженіе» εἰδωλο λατρεία—имѣло тогда значительно болѣе реальное и менѣе аллегорическое значеніе, чѣмъ теперь); и въ другомъ мѣстѣ еще разъ: «любостяжатель, который есть идолослужитель» (Едм. V, 5).

Но апостолъ правильно говоритъ «любостяжаніе», ибо не всякое владѣніе собственностью есть любостяжаніе, а потому и не всякое есть и идолослуженіе. Когда владѣніе съ собственностью связано съ интенсивно переживаемымъ желаніемъ закрѣплять имущество непремѣнно за *собой* и почитать его непремѣнно *своимъ*, тогда оно по здравому смыслу и по Апостолу есть *идолослуженіе*. Но большей частью оно характеризуется присутствіемъ иныхъ переживаній или, вѣрнѣе, отсутствіемъ тѣхъ «идолослужительскихъ» переживаній, но въ то же время и отсутствіемъ всякихъ другихъ переживаній вообще, каковое отсутствіе иносказательно можно признавать и за переживаніе, ибо при этомъ душа человѣческая все же *живетъ*, хотя въ пустотѣ и пустотой, а все же живетъ. Такое владѣніе собственностью будетъ атеизмомъ, т. е. непризнаніемъ никакихъ боговъ, непризнаніемъ даже себя за идола, т. е. попросту говоря нигилизмомъ, въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ибо по большей части всякаго рода «собственники» и большіе и малые относятся къ собственности или къ большей части ея такъ, что просто никакъ ее не переживаютъ, ни какъ свою, ни какъ чужую Она для нихъ что-то внѣшнее, по существу имъ чуждое, лежащее внѣ ихъ сознанія, внутренно съ ними не связанное, что-то такое косное и мертвое, что не только не подлежитъ ихъ воздѣйствію, не отпечатлѣваетъ ихъ личности, но само отпечатлѣвается на нихъ, само воздѣйствуетъ на нихъ *обезличивающимъ* образомъ. Ибо *права* ихъ на нее, при полнѣйшемъ отсутствіи сознанія *обязанностей* по отношенію къ ней—обращаются въ притязанія абсолютно пустыя и посящія чисто

отрицательный характеръ, ибо вся суть ихъ только въ *отрицаніи* правъ и притязаній другихъ. Не воздѣйствуя сами, положительно, они такимъ отрицаніемъ не допускаютъ какихъ бы то ни было положительныхъ воздѣйствій со стороны другихъ, т. е. они какъ бы стараются изъять свою собственность изъ общаго запаса средствъ міроздапія—*Божьяго* міра, и по крайней мѣрѣ въ душевномъ настроеніи своемъ *уничтожаютъ* ее совсѣмъ, превращая въ какую-то пустоту и совершенное *ничто*. Такой нигилизмъ есть полное отрицаніе того, что по существу, на самомъ то дѣлѣ, собственность ихъ принадлежитъ *Богу*, и Богъ, создавая ее, создавалъ не даромъ, а для чего-нибудь опредѣленнаго и съ какимъ-нибудь намѣреніемъ. Не давая проявиться и осуществиться Божьему намѣренію въ своей собственности, «собственники» служатъ прямыми орудіями діавола—борящагося съ намѣреніями Божіими и искажающаго все то, что Господь сотворилъ «добро зѣло». Если душевный нигилизмъ — есть *пассивный* атеизмъ—то такое отрицаніе въ союзѣ съ діаволомъ власти Бога на все, что въ мірѣ (значитъ и на собственность) есть атеизмъ *активный*.

Я намѣренно взялъ только два *полюса* отношенія къ собственности, полюса, которые въ *чистомъ* видѣ, въ человѣческой психологіи, вообще не допускающей ничего особенно чистаго, можетъ быть, и не встрѣчаются. Въ «натурѣ», конечно, имѣются больше «смѣси» въ различныхъ пропорціяхъ, впрочемъ, съ постоянными составными элементами: немножко атеизма, немножко нигилизма, — тогда много идолослуженія; или немножко идолослуженія—тогда много атеизма и нигилизма; или же наконецъ, что къ счастью, встрѣчается тоже въ натуральномъ видѣ, т.-е. безвоздѣйствія сознательныхъ религіозныхъ принциповъ, — немножко атеизма, немного идолослуженія и много истинно христіанскаго отношенія къ собственности, т.-е. не только внутренней несвязанности и отрѣшенности отъ нея, но и готовности всегда подѣлиться ею съ нуждающимися.

Уже эти соображенія, помимо другихъ, показываютъ, что истиннаго отношенія къ собственности на почвѣ *индивидуальной* морали установлено быть не можетъ. Индивидуальная мораль опредѣляетъ

отношеніе къ *чувству* собственности, но не отношеніе къ *самой* собственности, какъ *внѣшнему* явленію; она предписываетъ каждому быть внутренно свободнымъ и несвязаннымъ ничѣмъ внѣшнимъ,—но быть не связаннымъ еще не значитъ *не быть обязаннымъ*. То, что собственность не должна воздѣйствовать на человѣка и держать его въ рабствѣ — еще не значитъ, что человѣкъ не долженъ *самъ* воздѣйствовать на собственность и подчинять ее высшимъ идеямъ. Отрѣшаясь отъ собственности, человѣкъ освобождается только отъ рабства, но не становится еще господиномъ. Собственность, какъ внѣшнее явленіе, остается во власти чуждыхъ стихій, — тутъ нѣтъ побѣды настоящей; есть побѣда надъ собой, но не побѣда надъ собственностью.

Для побѣды надъ собственностью — мало силы отдѣльнаго лица, нужны коллективныя силы и условія жизни *общины*.

Къ уясненію этого я теперь и перейду.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Каково должно быть отношеніе къ собственности въ средѣ вѣрующихъ, объединенныхъ въ Церкви? Какъ смотритъ на этотъ вопросъ Евангеліе?

Нужно сказать, что и на этотъ счетъ въ Евангеліи есть нѣсколько вполнѣ опредѣленныхъ указаній, но указанія эти опять-таки такъ старались ослабить лукавыми соображеніями и они такъ противорѣчатъ всему укладу жизни теперешнихъ христіанъ, что къ нимъ особенно нужно приступаться и особенно въ нихъ вникнуть.

Въ странное и двусмысленное положеніе попадаютъ теперешніе христіане. При чтеніи Евангелія имъ приходится со смущеніемъ перелистывать нѣкоторыя страницы скорѣй, притворяться, что они ихъ не замѣчаютъ, дѣлать видъ, что ихъ тамъ совсѣмъ и нѣтъ (положенія — все удивительно христіанскія!); или же съ милой житейской откровенностью признавать вмѣстѣ съ позитивистически настроенными невѣрами съ одной стороны и съ нравственными цинниками съ другой (союзъ опять-таки чрезвычайно подходящій для христіанъ!), что да, все это такъ, мѣста и страницы эти есть, но... все такое... и т. д.—словомъ человѣчество не даромъ жило съ тѣхъ поръ, чтобы

принимать въ серьезъ *мечту*. Тутъ по крайней мѣрѣ хорошо то, что говорится откровенно, что мѣста эти *мечта*, но тогда можетъ быть и другія мѣста—мечта,—можетъ быть и вся вѣра христіанская цѣликомъ мечта;—и тогда изъ этихъ сомнительныхъ и малоутѣшительныхъ «можетъ быть»—получается несомпѣнный и относительно-утѣшительный результатъ: не мечта ли и не чистое ли *недоразумѣніе* и то, что думающіе такъ люди причисляютъ себя или считаются другими христіанами? И не лучше ли было бы имъ пребывать «безъ названія», довольствуясь ужъ и такъ достаточно почетнымъ званіемъ «просто людей»,—хотя бы изъ альтруистическихъ побужденій не затруднять бѣдныхъ филологовъ, и безъ того обремененныхъ массой словъ и названій, которыхъ объяснить и связать съ опредѣленнымъ смысломъ они никакъ не могутъ? Но о теперешнихъ христіанахъ мнѣ можетъ быть придется еще поговорить дальше, и потому перейдемъ къ христіанамъ настоящимъ.

I.

Въ самомъ дѣлѣ, отвлекшись на минуту отъ впечатлѣній, отъ современности, попытаемся представить себѣ, какъ должно распредѣлиться имущество между дѣйствительно увѣровавшими во Христа и принявшими Его ученіе.

Одинъ встаетъ, для слѣдованія за Христомъ, отъ сбора пошлинъ, другой отъ лотка, третій отъ великолѣпнаго богатаго ложа, четвертый отъ плетенія цыновокъ, но всѣ слышатъ одинъ голосъ: смотрите на лилии полевыя и не заботьтесь, во что вамъ одѣться и что вамъ ѣсть, раздайте имѣнія ваши и уподобитесь птицамъ, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы свои... Этимъ все имущество, которое было у нихъ и всѣ матеріальныя средства, которыя они продолжаютъ добывать, *отчуждаются Самимъ Господомъ*, внутренно отъ нихъ отрываются, и господами ихъ становятся не они, а Христосъ, ибо Самъ Христосъ беретъ на Себя заботу ихъ питать и одѣвать.

Съ имущества спадаютъ скрѣпы психическаго закрѣпощенія его непремѣнно за отдѣльными лицами, изъ затвердѣлаго и омертвѣлаго оно снова дѣлается живымъ и текучимъ, и развѣ не ясно, что, какъ всякая жидкость, оно естественно по законамъ тяготѣнія направится

туда, куда будетъ наклонъ, остановится тамъ, гдѣ будутъ выбоины и изъяны, и наполнитъ ихъ? Другими словами, не ясно ли, что оно распредѣлится, какъ говорится въ Дѣяніяхъ, между всѣми, «смотря по нуждѣ каждаго»? Или, какъ говоритъ Ап Павелъ: «нынѣ вашъ избытокъ въ восполненіи ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка, чтобы была *равномѣрность*—ὅπως γένηται ἰσότης,—какъ написано, кто собралъ много, не имѣлъ лишняго, и кто мало, не имѣлъ недостатка» (2 Кор. VIII, 14—15. Исх XVI, 18).

Такое распредѣленіе имущества становится необходимымъ изъ одного увѣрованія во Христа и изъ одного порыва встать и пойти за Христомъ. Но вѣдь увѣрованіе во Христа есть только приступъ, только начало длительной и постоянной *жизни* во Христѣ. Увѣровавъ, христіанинъ не остается одинокимъ и уединенно пребывающимъ въ обладаніи найденной истины, а становится братомъ во Христѣ для всѣхъ другихъ увѣровавшихъ во внѣшнихъ отношеніяхъ и внутренно единымъ съ ними принадлежностью вмѣстѣ съ ними къ единому живому тѣлу Христа—Церкви въ отношеніяхъ внутреннихъ. Увѣровавшіе перестаютъ быть самодовлѣющими атомами и становятся живыми клѣточками живого организма и живутъ жизнью не только индивидуальной, но и жизнью всего организма. Даже болѣе того, самая индивидуальная жизнь, корнями своими касаясь питательныхъ и живоносныхъ источниковъ подпочвенной соборной жизни Церкви,—извнутри какъ бы наливается силой, обычно ей не присущей и въ ней не находящейся, и становится другой, *новой* жизнью, жизнью не въ себѣ, *а жизнью во Христѣ*. Всѣ вѣрующіе должны быть во Христѣ и значитъ у нихъ получается единый центръ и единая основа ихъ жизни — Христосъ. Поскольку они живутъ во Христѣ, постольку они и другъ къ другу становятся новыми сторонами тѣми, которыя до тѣхъ поръ были не раскрыты. Въ сознаніи какъ бы обнаруживаются два полюса—эмпирическое «я» и Христосъ. Реальная жизнь души есть взаимодѣйствіе этихъ полюсовъ, постоянное излученіе и разряженіе токовъ отрицательныхъ и положительныхъ, идущихъ съ двухъ сторонъ Все, что въ душѣ есть интимнаго, всѣ святые и чистые порывы, вся любовь, на которую способна душа—все обращается направленіемъ къ положительному полюсу, несется какъ

свободный даръ и пріятная жертва *Христу*. А такъ какъ Христосъ *одинъ*, то значитъ у всѣхъ вѣрующихъ—все самое дорогое въ душѣ относится не ко многимъ центрамъ, а къ *одному*. Христосъ же не есть центръ пустой, а есть живая полнота, которая кругомъ себя изливаетъ преизбыточествующую благодать, излучаетъ силу, которая даже то, что только стремится къ Нему, что только поднялось и обратилось къ Нему, реально возсоединяетъ съ Нимъ, исканіе обращаетъ въ достиженіе, желаніе—въ обладаніе. Но если интимная жизнь отдѣльнаго христіанина не только относится и направляется ко Христу, но и находится, *есть* во Христѣ (и такъ у всѣхъ вѣрующихъ), то значитъ *черезъ Христа* интимная жизнь одного связывается съ интимною жизнью другого, и они помимо какихъ бы то ни было внѣшнихъ сношеній имѣютъ новый видъ общенія, принципіально отъ всѣхъ другихъ видовъ общенія отличный, *общеніе между собой во Христѣ и черезъ Христа*. Этотъ видъ общенія — совершенный и потенціально полный: совершенный потому, что тутъ обращены другъ къ другу лучшими сторонами, и эти человѣчески-лучшія стороны очищаются и оживотворяются Христомъ—ибо общеніе *черезъ* Христа; — потенціально полный потому, что въ общеніе это можетъ и должно быть включено все, что есть чистаго и святого въ человѣкѣ, т. е. все что можетъ общаться, ибо на почвѣ дурного и грязнаго можетъ быть не живое внутреннее общеніе, а только внѣшняя механическая солидарность. Разъ устанавливается такое общеніе—тогда вѣрующіе реально, такъ сказать, въ плоскости наличнаго опыта перестаютъ быть разъединенными и объединяются въ живое тѣло, имѣющее «одну душу и одно сердце», изъ просто вѣрующихъ превращаются въ одну общину, живущую своей особой коллективной жизнью.

II.

Къ этому мы необходимо приходимъ, если начнемъ только мысленно представлять, въ какія отношенія должны стать другъ къ другу дѣйствительно увѣровавшіе во Христа. Къ радости нашей и къ счастью, этотъ мысленный опытъ находитъ свое полное оправданіе въ опытѣ историческомъ и полное соотвѣтствіе въ томъ, что было тогда, когда самые различные люди дѣйствительно вставали

по слову Господа и вѣровали не устами только, а и всѣмъ сердцемъ и всей душой и всѣмъ помышленіемъ — я говорю про первоначальныхъ христіанъ. Тогда, по словамъ Дѣяній Апостольскихъ, «у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа». Что значатъ конкретно эти слова, показываетъ первое посланіе Ап. Павла къ Коринѳянамъ, 14 ая глава. Въ ней рисуется удивительная картина общенія первоначальныхъ христіанъ, въ наиболѣе интимномъ изъ всего — въ молитвахъ. Трепетъ любви, благодарности Богу и радости, который ровно горѣлъ въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности,—когда они сходились вмѣстѣ, разгорался въ неудержимый молитвенный экстазъ. Они начинали озаряться пророческими предчувствіями и, чтобъ сообщить другимъ свой восторгъ, громко пророчествовали и говорили незнакомыми языками. Въ этомъ было нѣчто столь поразительное, что, говоритъ Ап. Павелъ, еслибъ кто нибудь изъ невѣрующихъ пришелъ бы въ собраніе вѣрующихъ, то онъ могъ бы или подумать, что они *бѣснуются*, или же, что тоже, конечно, бывало — тайны сердца его обнаружились бы и онъ палъ бы ницъ, поклонился Богу и сказалъ: истинно съ ними Богъ (1 Кор. XIV, 25). Только представить себѣ ясно и въ подробностяхъ живыя условія, когда слѣдующее поученіе Апостола имѣло *реальное* значеніе: «Если кто говоритъ на незнакомомъ языкѣ, говорите двое или много трое и то порознь, а одинъ изъясняй. И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ... всѣ одни за другими можете пророчествовать, чтобъ всѣмъ поучаться и всѣмъ получать утѣшеніе!» Вотъ что значили слова, что вѣрующіе пребывали въ общеніи и молитвахъ и имѣли одну душу и одно сердце.

Послѣ этого становится какъ будто излишнимъ спрашивать, что же становилось съ имуществомъ вѣрующихъ, какъ они съ нимъ распоряжались—до того это ясно и само собой разумѣется. Ну, конечно, разъ у нихъ была одна душа и одно сердце, то и имущество у нихъ было *одно*, у всѣхъ *общее*, никому въ отдѣльности не принадлежащее. Разъ ихъ охватывалъ любовный паѳосъ и религіозный восторгъ, то, конечно, оставаться при личной и частной собственности они не могли. Они должны было отъ нея отказаться, радуясь, что могутъ хоть чѣмъ нибудь послужить своимъ братьямъ и сестрамъ, чрезъ общеніе имуществъ излить избытокъ любви, которою

полнились и освѣтились ихъ сердца. Теперь, понявъ религіозную правду и психологическую необходимость для вѣрующихъ общенія имуществъ, мы ужъ не заподозримъ въ неправдоподобности извѣстныхъ мѣстъ изъ Дѣяній Апостольскихъ и прочтемъ ихъ съ полной вѣрой: «У множества увѣровавшихъ были одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее» «и продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ смотря по нуждѣ каждаго». «Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду». (Дѣян. IV, 31—35; II, 45). Такъ было въ Апостольской Церкви, которая была живымъ явленіемъ Церкви Вселенской.

Хотя съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, т. е. съ постепеннымъ удаленіемъ отъ непосредственныхъ живыхъ впечатлѣній отъ Христа, первая любовь въ вѣрующихъ начинала остывать, но все же общеніе имуществъ было такой важной стороной въ общинной жизни христіанъ, что оно сразу исчезнуть и перейти, сначала въ широкую и любовную благотворительность, а потомъ въ тепловатую филантропію, конечно, не могло. Отзвуками на общеніе имуществъ полны памятники первоначальной христіанской литературы. Я приведу нѣсколько мѣстъ наименѣе доступныхъ какимъ бы то ни было перетолкованіямъ.

Въ «Ученіи XII апостоловъ», въ которомъ безыскусственно и просто передается, навѣрно въ буквальныхъ выраженіяхъ, дѣйствительное ученіе Апостоловъ — говорится: «не колеблись давать и отдавая не ропщи, ибо ты узнаешь, кто есть добрый Воздаятель заслуги. Не отворачивайся отъ нуждающагося, но *раздѣляй все съ братомъ твоимъ и не говори, что это твоя собственность, ибо если вы имѣете общеніе въ безсмертномъ, не тѣмъ ли паче и въ смертныхъ вещахъ*». Οὐκ ἀποστραφήσῃ τὸν ἐνδεόμενον, συκοινωνήσεις δὲ πάντα τῷ ἀδελφῷ σου καὶ οὐκ ἐρεῖς ἴδια εἶναι. εἰ γὰρ ἐν τῷ ἀθανάτῳ κοινωνοὶ ἐστε, πόσῳ μᾶλλον ἐν τοῖς θνητοῖς—(IV cap.). Тутъ замѣчательно то, что фактическое общеніе имуществъ, которое установилось въ Іерусалимской общинѣ и о которомъ говорится въ дѣяніяхъ, тутъ признается не только какъ желательный строй, но и какъ *нормальный*, т.-е. такой, который является *нормой*, и

долженъ быть, а потому общеніе имуществъ тутъ же заповѣдуется, ставится какъ требованіе—на ряду съ увѣщаніемъ: «не сомнѣвайся въ томъ, будетъ ли судъ Божій, или нѣтъ», говорятся и приведенныя выше слова. Въ другомъ памятникѣ, отдѣленномъ отъ «Ученія XII ап.»—нѣкоторымъ промежуткомъ времени и отмѣченномъ особой тихой радостью познанія, открывшагося въ созерцаніи и раскрытіи Ветхозавѣтныхъ символовъ и преобразованій — въ посланіи мужа апостольскаго Варнавы, который благовѣствовалъ вмѣстѣ съ Ап. Павломъ — говорится дословно то же: «имѣй общеніе съ ближнимъ во всемъ и не называй ничего собственностью, ибо если общники въ благахъ нетлѣнныхъ, то не болѣе ли въ вещахъ тлѣнныхъ» (XIX сар.). По гречески тутъ текстъ одинъ и тотъ же. Это очень важно потому, что значитъ эта формулировка принадлежитъ не самому Варнавѣ, а также и не составителю «Ученія XII ап.», а является ходячей, общинной, изъ устъ въ уста переходящей *формулой*. А такія формулы по всему вѣроятію имѣли не иной какой источникъ, какъ слова и поученія Апостоловъ и даже больше, быть можетъ, Самого Христа. Идя затѣмъ далѣе, мы находимъ въ первой апологіи Іустина Философа, написанной къ концу сороковыхъ годовъ второго столѣтія, такія опредѣленныя слова: «прежде мы болѣе всего заботились о снисканіи богатствъ и имѣнія, а теперь *и то, что имѣемъ, вносимъ въ общину и дѣлимся со всякимъ нуждающимся*». — νῦν καὶ ἃ ἔχομεν εἰς κοινὸν φέροντες καὶ παντὶ δεομένῳ κοινωνοῦντες—(XIV с.). Кромѣ того, если-бъ кто нибудь усумнился въ этихъ показаніяхъ потому, что они даются самими христіанами — мы можемъ указать на очень важное въ смыслѣ исторической достовѣрности показаніе, которое находится у извѣстнаго «Вольтера древности» — Лукіана. Саркастически описывая жизнь Перегрина Протея—который, по Лукіану, былъ одно время христіаниномъ, Лукіанъ говоритъ про христіанъ: «христіане живутъ сообща — ἀπὸ τοῦ κοινοῦ — помогая, утѣшая и поддерживая другъ друга. Они пренебрегаютъ имуществомъ и почитаютъ его *общимъ*—κοινὰ ἡ γοῦνται—пользуясь имъ безъ разбора, кому принадлежитъ» (Περὶ τῆς Περεγρίνου τελευτῆς). Перегринъ окончилъ свою жизнь эффектнымъ самосожженіемъ, при большомъ стеченіи публики въ Олимпіи, въ 165 г. О смерти его Лукіанъ могъ писать *послѣ* этого года, и значитъ еще въ концѣ шестидесятыхъ

годовъ второго столѣтія, среди, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ христіанскихъ общинъ—еще продолжало жить общеніе имуществъ и въ такой полной и рѣзкой формѣ, что наблюдателямъ стороннимъ это общеніе казалось чуть ли не отличительной и главной ихъ чертой. Кромѣ того, мы имѣемъ еще болѣе позднее свидѣтельство и исходящее изъ другого конца тогдашняго міра — это свидѣтельство Тертуліана. Оно относится по крайней мѣрѣ къ самымъ послѣднимъ годамъ второго столѣтія; въ XXXIX главѣ своего Апологетика Тертуліанъ говоритъ съ присущей ему опредѣленностью: «мы не колеблемся нисколько въ вопросѣ объ общности имуществъ. *У насъ все общее*»... (nihil de rei communicatione dubitamus. Omnia indiscreta sunt apud nos).

Такимъ образомъ, на второй поставленный вопросъ: каково должно быть отношеніе къ собственности въ средѣ вѣрующихъ, мы, согласно Евангелію и живому примѣру первенствующихъ христіанъ, должны отвѣтить: вѣрующіе, отрѣшившись отъ частной собственности, должны перейти къ полному *общенію* имуществъ. Между ними *все* должно быть общее, и всѣмъ, что имѣютъ, они должны дѣлиться братски и любовно.

III.

Достигнутыми результатами совсѣмъ еще не рѣшается соціальный вопросъ (о которомъ рѣчь впереди), но вмѣстѣ съ тѣмъ сами по себѣ результаты эти чрезвычайно важны и невольно побуждаютъ сдѣлать нѣкоторые выводы — можетъ быть и непріятные, но очень существенные. Выводовъ этихъ нѣсколько и свойства они приблизительно такого: во-первыхъ, всѣ желающіе – кратко говоря,—и капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти, могутъ искать себѣ оправданія гдѣ угодно, хотя бы въ курсахъ двойной бухгалтеріи, но только не Евангеліи. Если Евангеліемъ требуется отказъ отъ частной собственности и общее совмѣстное и любовное владѣніе имуществомъ, то этимъ весь соціально-экономическій строй нашей жизни—въ которомъ господствуютъ совершенно иные—діавольскіе принципы, и въ которымъ всѣ мы необходимо участвуемъ и живемъ—объявляется какъ *нехристіанскій*. Всѣ, кто содѣйствуетъ активно этой неправдѣ, т. е. всѣ, кто такъ или иначе участвуетъ въ безбожной

эксплотаціи труда массъ бѣднаго люда, совершающейся по городамъ и деревнямъ, во всяческихъ промышленныхъ предпріятіяхъ и заведеніяхъ,—могутъ найти для себя въ Евангеліи только опредѣленныя указанія на геенну огненную, и всѣ представители человѣческаго рода, приспособленіе коихъ къ капиталамъ, очень большимъ или не очень большимъ, унаслѣдованнымъ или благопріобрѣтеннымъ, вызвало въ нихъ непомѣрное развитіе свойствъ глотательныхъ и вообще потребительныхъ и полную атрофію силъ производительныхъ, а также простого пониманія, что такое значатъ чужія слезы, чужой потъ и страданія,—хорошо бы сдѣлали, еслибъ окончательно сложили бы съ себя почетное званіе христіанъ.

Да такъ, быть можетъ, и произойдетъ. Богъ дастъ и въ нашемъ отечествѣ наступитъ «лѣто благопріятное» и водворится въ немъ свобода. Скрываться и переряжаться тогда станетъ не зачѣмъ, быть можетъ, произойдетъ благодѣтельная дифференціація и прекратится состояніе «своя своихъ не познаша». Тогда христіане кесаревы и государственные совсѣмъ упразднятся, а христіане владѣльческіе, быть можетъ, не найдутъ далѣе нужнымъ скрывать имя своего настоящаго господина и воздвигнутъ ему открыто великолѣпный храмъ. Основаніе и фундаментъ польютъ обильно кровью меньшей братіи, кирпичики—похищенную радость другихъ, будутъ скрѣплять глиной, разведенной слезами и потомъ страдальцевъ, имена ихъ же Ты, Господи, вѣси; стѣны, вмѣсто икопъ, украсятъ денежными знаками всѣхъ временъ и народовъ, вмѣсто креста воздвигнутъ копилку, ну, а на престолѣ, съ отвисшими губами, съ огромнымъ животомъ, съ безсмысленной мертвой улыбкой, возсядетъ самъ безобразный Господинъ... какъ ни горько это будетъ—но все же менѣе страшно, чѣмъ то, что совершается теперь.

Кромѣ того, становится яснымъ, что оправданія богатыхъ и имущихъ и благословеніе на продолженіе ихъ эксплуататорскихъ подвиговъ, дѣлъ и дѣлишекъ, оправданія и благословенія, которыя къ позору нашему можно встрѣтить чуть ли не во всѣхъ книгахъ духовно-нравственно-религіозно-охранительно-возмутительнаго содержанія—даются нашими просвѣтителями за своей страхъ и разумъ—страхъ поистинѣ «іудейскій» и разумъ поистинѣ «эллинскій». Впрочемъ,

бываютъ оправданія и совершенно неожиданнаго свойства. Вотъ образчикъ сего послѣдняго, почему то мнѣ запомнившійся:

«Бѣдные и неимущіе такъ же необходимы въ мірѣ, какъ богатые и многоимущіе, подобно тому, какъ незамѣтная травка и кустики зелени среди высокихъ деревъ и большихъ кустарниковъ... И какъ пустынна была бы жизнь, еслибъ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни высокихъ, ни низкихъ, если бы не было разнообразія въ жизни. Представьте себѣ безплодную необозримую равнину, заросшую зеленой травой: вездѣ одна трава и трава и ничего больше. Остановится ли восхищенный взоръ вашъ на этой картинѣ? Не вѣрнѣе ли, что, скучая, утомляясь ея однообразіемъ, онъ станетъ искать другихъ предметовъ? А почему? Потому что нѣтъ горъ и холмовъ, придающихъ необычайную прелесть и красоту равнинѣ. Такъ пустынно было бы въ мірѣ, если бы не было раздѣленія на бѣдныхъ и богатыхъ, связующаго людей въ единое общество».

Я увѣренъ, что неопытный читатель можетъ подумать, что навѣрно эти слова—результатъ воздѣйствія на какую-нибудь упитанную россійскую фигуру воззрѣній Ницше—Ницше не настоящаго, а Ницше дешеваго изданія и широкаго распространенія. Людямъ болѣе тонкимъ «незамѣтная травка и кустики», «необычайная» прелесть, и особенно *„восхищенный взоръ“*, быть можетъ, откроютъ, что тутъ дѣло гораздо проще и для формировки эстетическихъ воззрѣній и восхищеній автора этихъ словъ,—помимо всякихъ иностранныхъ и инославныхъ вліяній, достаточно было одной отечественной и православной семинаріи. Но бьюсь объ закладъ, что врядъ ли кто-нибудь почувствуетъ правду и догадается, что слова эти сказаны съ церковной каѳедры и никѣмъ нибудь, а христіанскимъ епископомъ—именно епископомъ орловскимъ, преосвященнымъ Иринеемъ.

Во всякомъ случаѣ, намъ теперь совершенно ясно, что эти слова и всѣ имъ подобныя являются продуктомъ лжеименнаго разума или лукавыхъ эстетическихъ соображеній и ни въ коемъ случаѣ не могутъ найти себѣ оправданія въ Евангеліи. Для «оправдателей» въ Евангеліи есть только многократное: «горе вамъ книжники, фарисеи и лицемѣры» и «отойдите отъ Меня всѣ дѣлатели неправды»...

IV.

Кромѣ такихъ общихъ отрицательныхъ выводовъ мы должны сдѣлать и выводы положительные, но уже *практическаго* и болѣе конкретнаго свойства.

Всмотрѣвшись внимательно и вдумчиво въ нашу теперешнюю религіозную жизнь, мы видимъ, что въ ней нѣтъ самаго главнаго и существеннаго — осуществленья наибольшей заповѣди Христовой — религіозной любви. Между нами существуютъ всяческія сношенія и отношенія, но нѣтъ религіознаго общенія, но если нѣтъ религіознаго общенія, то нѣтъ и *церковной жизни*. Церковь есть, и блюдется, но потаеннымъ, скрытымъ отъ нашего взора образомъ; есть конечно и теперь праведники, есть и просто искренно вѣрующіе, которые съ центромъ церковной жизни, съ главою тѣла — Христомъ, находятся въ интимномъ и внутреннемъ единеніи. Но это единеніе каждаго со Христомъ, но не всѣхъ между собой чрезъ Христа—это не общеніе вѣрующихъ во Христѣ. Линіи единенія идутъ прямымъ путемъ отъ вѣрующаго ко Христу и отъ Христа къ вѣрующему, но не пересѣкаются между собой, не образуютъ живой ткани, которая бы могла послужить первоначальной основой для общецерковныхъ переживаній и приготовленіемъ рудиментарныхъ внутреннихъ условій для живого внѣшняго явленія Церкви, о которомъ говорится въ новозавѣтныхъ пророчествахъ.

Но если у насъ нѣтъ религіознаго общенія и церковной жизни, то общеніе это и жизнь эту — необходимо возродить. Съ этого и должно начаться наше церковное обновленіе. Оно совершенно немыслимо, если не будетъ дано исхода глубокимъ исканіямъ народнаго религіознаго чувства—и самой странной, разгорающей жаждѣ всѣхъ вѣрующихъ—если не будетъ создана и возсоздана, во всей ея полнотѣ, *общинная* жизнь, связанная съ каноническимъ и евангельскимъ устройствомъ прихода и раскрѣпощеніемъ церковнаго народа. Тотъ напоръ искушеній, который подымается теперь все сильнѣй и сильнѣй, который говоритъ о скоромъ наступленіи окончательнаго періода исторіи—тѣ громадныя задачи, которыя ставятся этимъ для вѣрующихъ, уже не

могутъ быть побѣждаемы и выполняемы силами отдѣльнаго, уединеннаго религіознаго сознанія. Для успѣшности борьбы и дѣйствій нужно сплотиться въ общины.

Передъ нами путь восхожденія на высоты, послѣднія очертанія которыхъ еще скрыты туманомъ. Но мы знаемъ, что обратнымъ порядкомъ мы должны свершить *тотъ же* путь, по которому пошла исторія послѣ Христа. Тамъ было такъ: сначала полнота богочеловѣческой жизни во Христѣ, потомъ постепенно гаснущее сіяніе того же въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ, — и наконецъ,— длинный періодъ, когда становленіе человѣчества богочеловѣчествомъ дѣлается столь же незримымъ и скрытымъ процессомъ, какъ было и въ до-христіанскомъ мірѣ—въ античной исторіи и исторія древняго Востока. Теперь же обратно. Мы стоимъ при концѣ одного пути и стучимся уже въ другой: процессъ тайнаго и подпочвеннаго роста богочеловѣчества назрѣлъ настолько, что отдѣльные ростки просятся *наружу*, хотятъ выбиться изъ подъ почвы на воздухъ и солнце, на подымающееся солнце внѣмірнаго, уже вѣчнаго Дня—Дня грядущаго Христа. Первые долетѣвшіе до насъ лучи Его славы и должны объединить вѣрующихъ въ общины, и Его сіяніе должно уже не убывать въ нихъ, а все больше и больше расти отъ растущей близости Его второго пришествія и полноты богочеловѣческой жизни уже не только во Христѣ индивидуально, но и во всемъ прославленномъ человѣчествѣ—церкви коллективно. Тамъ былъ путь *отъ* Христа пришедшаго, теперь путь *ко* Христу грядущему. Этимъ нарождающіяся общины будутъ отличны отъ тѣхъ, которыя были въ первыя времена.

Если правильно мнѣніе, что цѣль всемірнаго процесса есть постепенная побѣда надъ пространствомъ и временемъ — тогда нужно сказать слѣдующее: телефоны, телеграфы, желѣзныя дороги и т. д. и т. д., побѣждая пространство, сближаютъ насъ съ тѣмъ, что далеко по разстоянію. Естественныя и историческія науки, побѣждая время, сближаютъ съ тѣмъ, что далеко по времени—съ прошлымъ. Можно представить, что процессъ этотъ пойдетъ очень быстро. Но онъ будетъ совершенно тщетенъ, если не будетъ побѣждено *пространство психическое*, отдѣляющее лицо отъ лица — непроницаемость душевная. Въ общинахъ и должна начаться дѣйственная работа по преодолѣнію и завоеванію психическихъ пространствъ. Здѣсь

предстоитъ новый вѣкъ открытій и изобрѣтеній, по внутреннему смыслу своему далеко превосходящій вѣкъ открытій и изобрѣтеній прежній, предстоитъ новое Возрожденіе, но уже не то прежнее внѣшнее путемъ изученія — а другое внутреннее, путемъ дѣйствительнаго *воскрешенія въ себѣ* всего прошлаго и принятія въ свою душу всей жизни человѣчества—предстоитъ открытіе Новаго Свѣта—уже окончательнаго—Грядущаго Іерусалима.

Но первое условіе существованія психическаго пространства—это собственность частная и личная. Она уединяетъ и разъединяетъ и является главнымъ препятствіемъ для общенія И потому она первая подлежитъ преодолѣнію и уничтоженію. Въ новыхъ общинахъ теперешняя собственность должна быть безусловна побѣждена и претворена *въ новое*. Теперь, окаменѣвшая въ грубыхъ формахъ, она углами своими давитъ и обезличиваетъ живыя, Богомъ созданныя, *лица*, тогда расплавленная и живая, она сама будетъ отпечатлѣвать реализуемаго внутренняго человѣка и распредѣляться цѣлесообразно, становясь могучимъ средствомъ для его интенсивнаго утвержденія во внѣ. Въ теперешней жизни преобладаетъ эмпирическая личность и ею опредѣляется владѣніе собственностью — тогда въ общинахъ станетъ возможнымъ высвобожденіе и реальная жизнь—личности идеальной — (внутренняго человѣка, сотвореннаго по *образу Божію*) и владѣніе собственностью должно претвориться въ новое и опредѣляться уже условіями жизни реализованнаго внутренняго человѣка. Матеріальныя средства и имущество должны изъ загородокъ стать мостами и путями сообщенія и общенія и образовать коррелятъ тѣмъ духовнымъ связямъ и тому единенію внутреннему, которыя установятся между всѣми вѣрующими, живущими въ общинѣ. Формы общенія имущества въ реальной общинной жизни, конечно, должны быть многоразличными; говорить о нихъ конкретнѣе мы не можемъ, потому что это вывело бы насъ изъ предѣловъ намѣченной темы. Здѣсь можно только сказать одно: основными стихіями общинной жизни, камнями, на которыхъ держится и опирается все, являются стихіи Любви и стихіи Свободы. И общеніе имущества, какъ *одна* изъ сторонъ общинной жизни—должна быть проникнута тѣми же стихіями — и въ высшемъ единствѣ примѣрять полную любовь (т. е

объектами любви должны быть *всѣ* находящіеся въ общинѣ) и съ *безусловной* свободой.

Такимъ образомъ, въ общинной жизни завершается то, что начато было въ индивидуальномъ обращеніи ко Христу; субъективный порывъ—отрѣшиться во имя внутренней свободы и собственности—превращается въ объективную реальность; чаянія и желанія воплощаются въ живую жизнь подвижныхъ и эластичныхъ отношеній, создающихся тѣмъ не менѣе по опредѣленнымъ внутреннимъ узорамъ. Чувство собственности побѣждается индивидуально. Но собственность, какъ внѣшнее явленіе, побѣждается коллективно общинной жизнью и *только* ею. Тутъ побѣда дѣйствительная, побѣда по существу, и потому вопросъ о собственности рѣшенъ (а не подмѣненъ суррогатомъ рѣшенія), можетъ быть только здѣсь. Вотъ почему—единственнымъ выходомъ изъ теперешняго экономическаго строя въ новый, дѣйствительно должный и нормальный строй является созданіе общинной жизни.

Къ идеѣ необходимости общинной жизни теперь подходятъ съ самыхъ различныхъ сторонъ; назрѣваетъ сознаніе, что только въ ней одной спасеніе отъ всего: и отъ внутренней разбитости и усталости, и почти полнаго одичанія, явившагося результатомъ желанія всѣхъ «уединяться» (см. «Дневникъ Писателя») и отъ невозможности оставаться при томъ внѣшнемъ строѣ, который давно уже переросло и мучительно осудило *сознаніе*. И потому то, что кажется теперь далекимъ и отвлеченнымъ, въ самомъ скоромъ будущемъ станетъ живою практикой и центральнымъ вопросомъ жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Положимъ, что каждый вѣрующій выработалъ должное отношеніе къ собственности въ своемъ сердцѣ внутри, положимъ, среди вѣрующихъ установилось должное отношеніе къ собственности въ самомъ строѣ ихъ жизни во-внѣ—спрашивается, сдѣлали ли они этимъ по отношенію къ собственности все, что требуется отъ нихъ ихъ вѣрой христіанской, выполнили они всѣ тѣ обязанности къ собственности, которыя возлагаются на нихъ необходимостью быть живыми участниками домостроительства Божія въ мірѣ? Иначе: могутъ ли вѣрующіе удовлетвориться рамками общинной жизни—уйти въ нее цѣликомъ,

и пассивно и безучастно относиться къ тому, что внѣ общины? Вѣдь есть же невѣрующіе, которые не хотятъ подчиняться правиламъ, вытекающимъ изъ того, во что они не вѣрятъ, есть вѣрующіе, которые самымъ враждебнымъ образомъ относятся къ жизненному примѣненію того, во что они вѣруютъ концами устъ. Какъ же быть? Махнуть на все это рукой и уйти (опять «*уединиться*») въ общину или же община, живя *полной* жизнью, должна нести правду своей вѣры въ окружающее ее общество, дѣйственно утверждать начала своей истинной жизни въ чуждой стихіи общественныхъ отношеній. И если должна вообще, то какъ это дѣйственное утвержденіе должно проявляться и осуществляться въ отношеніи вопроса о собственности? Другими словами, каково должно быть отношеніе вѣрующихъ въ собственности невѣрующихъ (или иначе вѣрующихъ), не принадлежащихъ къ Церкви?

Этотъ третій поставленный нами вопросъ является наиболѣе труднымъ и сложнымъ и требуетъ изслѣдованія по существу.

Прежде всего требуется уяснить взаимное отношеніе общиннаго и общественнаго начала, коренное различіе ихъ природы. Личное начало не только не сталкивается съ началомъ общиннымъ — но находитъ въ немъ свое естественное завершеніе; сохраняя въ себѣ все интимное и субъективное нетронутымъ—въ общинѣ—личность только раскрывается и развивается до предѣльной полноты. Впадая въ море, рѣки не высыхаютъ и не исчезаютъ, а только соединяются черезъ него въ *одну* водную систему. Таково ли и отношеніе общиннаго начала къ общественному? Общественное начало завершается естественно общиннымъ или же является для него чуждой, темной и враждебной стихіей, съ которой можетъ быть только борьба и никогда миръ, какъ у рѣкъ съ сушей, которая, питаясь ихъ водами, только беретъ у нихъ, ничего имъ сама не давая? Для отвѣта на эти вопросы установимъ, что такое общинныя отношенія и что такое общественныя.

I.

Характернымъ признакомъ общинныхъ отношеній является то, что въ нихъ относятся другъ къ другу люди исключительно одной вѣры, однихъ убѣжденій, однихъ чаяній и надеждъ. Въ нихъ все обяза-

тельное для одного тѣмъ самымъ обязательно и для другого, ибо обязательность эта съ внутреннею необходимостью вытекаетъ изъ одного *общаго* для всѣхъ, находящихся въ общинѣ, центра—Христа. Поэтому какого-нибудь конфликта, который нужно было бы разрѣшить принужденіемъ, тутъ и не можетъ быть. Весь распорядокъ, и всѣ могущія возникнуть недоразумѣнія устраняются однимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, одной ссылкой на то, что *такъ* заповѣдалъ Христосъ; какихъ нибудь внѣшнихъ воздѣйствій помимо одного внутренняго убѣжденія тутъ по самому существу дѣла быть не можетъ, ибо хотя каждый находящійся въ общинѣ, добровольнымъ согласіемъ на пребываніе въ общинѣ уже заранѣе принимаетъ Христа. И если, почему-нибудь, кто-нибудь взбунтуется внутренно и отвергнетъ для себя эту внутреннюю обязательность Христа, то онъ этимъ самымъ актомъ бунта самъ собой перестаетъ быть въ общинѣ, внутренно отъ нея отпадаетъ и становится «внѣшнимъ» («если и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь»). Но разъ онъ становится внѣшнимъ, то и отношенія къ нему, какъ внѣшнему, не есть уже отношенія общинныя. Такимъ образомъ, въ общинныхъ отношеніяхъ все добровольно, все внутренно, все по убѣжденію, все во Христовой свободѣ.

Не то въ отношеніяхъ общественныхъ.

Въ различныхъ классахъ, входящихъ въ составъ общества, интересы у каждаго свои, потребности у каждаго свои; интересы эти и потребности не только не согласуются и не совпадаютъ, а находятся въ прямомъ противорѣчіи и въ рѣзкомъ враждующемъ антагонизмѣ. А между тѣмъ, *внутреннія убѣжденія* разнообразятся не только по классамъ и группамъ, но и по отдѣльнымъ лицамъ: чего-нибудь внутренно обязательнаго для всѣхъ нѣтъ. Единой внутренней нормы, которая бы опредѣляла отношенія всѣхъ—не дается. И значитъ отношенія общественныя помимо всего прочаго должны регулироваться *нормами внѣшними*. Одного убѣжденія и психическаго воздѣйствія недостаточно. Необходимы хотя нѣкоторые виды насилія и примѣненіе физической силы. Въ общинѣ всѣ *свои*. Въ обществѣ есть свои, но еще больше чужихъ. Это и мѣняетъ все дѣло, и общественныя отношенія для христіанскаго сознанія всегда будутъ чуждой внѣшней стихіей потому, что дѣйствовать въ нихъ *только* извнутри нельзя,

нужно еще и извнѣ, внѣшнимъ принужденіемъ. А внѣшнее принужденіе, хотя и можетъ быть терпимо христіанскимъ сознаніемъ, но осуждается имъ съ точки зрѣнія безусловнаго идеала и, какъ не должное, подлежитъ устраненію и уничтоженію. Этимъ и опредѣляется для христіанскаго сознанія существенный признакъ общественныхъ отношеній, дѣлающій ихъ въ сравненіи съ отношеніями личными и общинными явленіемъ особаго порядка и фактомъ sui generis.

Какъ же къ этой чуждой внѣшней и темной стихіи должно относиться христіанство, активно или пассивно? Быть только зрителемъ и наблюдателемъ или участникомъ и дѣлателемъ? Тутъ какъ будто мыслима и дѣйствительно многими приводится такая точка зрѣнія: нужно ко всѣмъ людямъ—значитъ и къ невѣрующимъ или иначе вѣрующимъ и стоящимъ внѣ общины относиться по христіански, но не ко всѣмъ сразу, а каждому въ отдѣльности, *лично* и сколько возможно помогать. Въ этомъ идея христіанской благотворительности и филантропіи. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ и считая безусловно необходимой помимо всего прочаго и частную и общественную благотворительность, я утверждаю, что это не есть отвѣтъ на поставленный вопросъ. Не только съ обычной, общечеловѣческой точки зрѣнія, но и съ христіанской, вопросъ этотъ гораздо шире, глубже, значительнѣе и мучительнѣе.

Если я, положимъ, могу помочь двумъ или тремъ нищимъ и въ то же время знаю, что тяжелыя экономическія условія, говоря кратко и примѣрно, въ деревнѣ вынужденное малоземелье, въ городѣ капиталистическое сладострастіе—ставятъ внѣ возможности кормиться и жить своимъ трудомъ и обрекаютъ на нужду и голодъ не трехъ или четырехъ, а сотни и тысячи и десятки тысячъ людей и такъ повсемѣстно и постоянно—то, конечно, если я хоть сколько-нибудь добросовѣстный человѣкъ, случайная и недостаточная помощь двумъ или тремъ не можетъ заслонить предо мною горя и слезъ сотенъ и тысячъ. Горе это и слезы остаются вполнѣ самостоятельнымъ вопросомъ—и вопросъ этотъ, поставленный рядомъ съ маленькимъ вопросикомъ филантропіи—только обнаруживаетъ свои громадные мучительные размѣры.

И вопросомъ этимъ сейчасъ же замѣчается особенно трудный пунктъ. Невозможное положеніе цѣлыхъ слоевъ населенія зависитъ

не отъ какихъ-либо стихійныхъ, неустранимыхъ, обусловленныхъ неизбѣжными законами природы—причинъ, а отъ того, напримѣръ, что въ такой-то губерніи крестьяне выбиваются изъ силъ, не будучи въ состояніи обернуться надѣломъ въ полъ-десятины, въ то время, какъ у графа или графини N земли стоятъ пустопорожними на пространствѣ сотенъ квадратныхъ верстъ,—или тысячи рабочихъ должны изнемогать въ непосильномъ трудѣ только для того, чтобы какой-нибудь Потапычъ или Петровичъ имѣлъ не десять милліоновъ годового дохода, а двадцать Спрашивается, если извѣстной тактикой, въ которую необходимо входитъ и нѣкотораго рода *насиліе* (ибо ни графъ, ни графиня, ни Потапычъ, ни Петровичъ отъ своего положенія добровольно не откажутся)—можно добиться, чтобы эти земли перешли въ руки крестьянъ, которые и перестанутъ умирать съ голоду, или чтобы рабочіе, ставши участниками предпріятія, получили возможность подумать и о хлѣбѣ духовномъ, то какъ къ этой тактикѣ долженъ отнестись христіанинъ? Осудить ее или оправдать, оттолкнуться отъ нея или примкнуть къ ней всѣмъ существомъ? Я намѣренно ставлю вопросъ въ такой рѣзкой и какъ будто односторонней формѣ потому, что въ возможности и необходимости *положительнаго* религіознаго воздѣйствія на общественныя отношенія, иными многообразными путями, въ которыхъ не включается насиліе,—сомнѣній никакихъ быть не можетъ. Такое воздѣйствіе несомнѣнно быть должно и является безусловно необходимымъ. Но столь же несомнѣнно и то, что доселѣ сколько-нибудь *дѣйственныхъ* формъ положительнаго религіознаго воздѣйствія на буйную стихію общественныхъ отношеній не выработано: *ихъ еще нѣтъ*. Мы глубоко вѣримъ, что они будутъ выработаны, ну, а *пока* ихъ нѣтъ, что же дѣлать? Отказаться отъ всякаго воздѣйствія, или принять тотъ его видъ, въ который, какъ подчиненный моментъ, входитъ насиліе, по новому освѣтить его и наполнить новымъ духомъ?

На этотъ трудный вопросъ мы и попытаемся дать отвѣтъ.

II.

Нужно сказать, что, давая его, мы можемъ руководствоваться только однимъ Евангеліемъ. Во всей до-теперешней исторіи христіан-

ства, передъ тѣми, кто могъ бы дать дѣйствительно христіанскій отвѣтъ, вопросъ этотъ еще и не вставалъ. Въ продолженіе вѣковъ онъ, такъ сказать, и не доходилъ до порога христіанскаго сознанія, ибо вопросъ этотъ, какъ *вопросъ для сознанія*, есть порожденіе конца XVIII и начала XIX в. Тѣже, кто началъ хотя и смутно его сознавать, отвѣчали на него или недостаточно полно и опредѣленно или же не какъ христіане, а какъ книжники, фарисеи и лицемѣры. Развивая монашески-аскетическую точку зрѣнія, которая съ извѣстнаго періода исторіи стала господствующей среди официальныхъ представителей официальной церкви, и ссылаясь на нѣкоторыя мѣста изъ Св. Писанія, они съ необыкновенной внутренней послѣдовательностью, на ряду съ оправданіемъ и благословеніемъ войны, проповѣдывали политику невмѣшательства въ общественныя и политическія отношенія (именно *политику*, а не что-нибудь другое) и рѣзко осуждали, почти проклинали всѣхъ тѣхъ, кто, думая инако, и дѣйствовалъ инако и не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ того, какъ одни немногіе давили и губили другихъ—многихъ. Эти осужденія и прощенія были «авторитетны» и такъ отвѣчали тайнымъ вожделеніямъ тѣхъ, кто давилъ и губилъ, что создалось мнѣніе, будто за нихъ стоитъ все историческое христіанство и даже само Евангеліе.

Такъ ли это, или нѣтъ, и какова въ дѣйствительности точка зрѣнія историческаго христіанства, для ясности мнѣ нужно обозначить прежде, чѣмъ я перейду къ обсужденію вопроса по существу.

Говоритъ (какъ это дѣлаетъ Д. С. Мережковскій), что все историческое христіанство доселѣ жило идеаломъ безплотной и безкровной святости и безземнаго неба и, такъ сказать, руководствовалось исключительно принципомъ «нашъ судъ не по плоти и крови, а по духу»—является безусловно невѣрнымъ съ исторической (т. е. единственно тутъ возможной) точки зрѣнія. Вся исторія первоначальнаго христіанства полна стремленіемъ не къ безплотной святости, а къ святости плоти. Чтобы неуклоняться въ сторону, укажу на одинъ фактъ, всѣмъ извѣстный, на созданіе первоначальными христіанами цѣлаго подземнаго Рима. Еслибъ первые христіане жили идеаломъ только безплотной святости, не относились къ своему *тѣлу* и *къ*

плоти своей *религіозно* и не считали тѣло свое необходимымъ участникомъ жизни во Христѣ не только здѣсь на землѣ, но и тамъ въ будущей жизни, въ воскресеніи мертвыхъ — то развѣ стали бы они тратить громадныя усилія и колоссальный трудъ на прорытіе и устройство катакомбъ? Больше того, святость плоти была идеаломъ не только первыхъ христіанъ, но и первыхъ христіанскихъ отшельниковъ и монаховъ. Св. Антоній Великій подвизался не для упраздненія своей плоти, а, какъ онъ самъ говорилъ, для «обоженія—θεωσις—плоти». Эта идея обоженія плоти, не умирая, живетъ даже въ теперешнемъ монашествѣ, и потому дѣло вовсе не въ этомъ, а въ чемъ-то совсѣмъ иномъ. Историческое христіанство глубоко сознавало, теоретически и многообразно знало на опытѣ святость плоти индивидуальной и святость тѣла индивидуальнаго; но что оно послѣ апостоловъ дѣйствительно перестало не только дѣйственно осуществлять, но и просто теоретически сознавать, такъ это святость плоти вселенской и тѣла не отдѣльныхъ лицъ, а тѣла всего человѣчества. Въ отношеніи послѣдней въ историческомъ христіанствѣ мы наблюдаемъ постепенное все большее и большее убываніе полноты христіанскаго сознанія и суженія поля зрѣнія. Воспринявъ одну сторону Евангельскаго ученія о томъ, что Царство Божіе внутри насъ есть—историческое христіанство съ полной закопченностью развило и осуществило въ себѣ только идеалъ святости *индивидуальной* (въ которую вошла и святость плоти) и индивидуальнаго спасенія и совершенно забыло другую сторону — идеалъ святости тѣла всего человѣчества и идеалъ спасенія общественнаго. Забывши это, оно въ претвореніи общественныхъ отношеній перестало видѣть свою задачу и предоставило ихъ произволу стихій и дѣйствію однѣхъ темныхъ враждебныхъ силъ, а само замкнуло и ограничило себя исключительно сферой личнаго самоусовершенствованія и достиженія только личной святости и личнаго спасенія. Съ односторонней рѣзкостью это произошло только въ послѣднія столѣтія, раньше же было только безсознательнымъ уклономъ—ибо, повторяю, вопроса въ сознательной формѣ передъ прошлыми вѣками христіанства и не вставало, и потому позицію такъ называемаго историческаго христіанства относительно нашего вопроса можно обозначить такъ: угасивъ въ себѣ жи-

выя представленія объ объективномъ Царствіи Божіемъ, историческоэ христіанство забыло о стихіи общественныхъ отношеній и доселѣ не выработало христіанскихъ формъ дѣятельности общественной. Но оно только *забыло* и только *не* выработало, но какого-нибудь положительнаго препятствія къ созданію и выработкѣ этихъ формъ оно не поставило — ибо на этотъ счетъ не было какихъ-нибудь церковныхъ рѣшеній или соборнаго постановленія. Тѣ же полуфарисейскія, полубуддійскія разсужденія объ общественномъ и политическомъ «непротивленіи», которыя твердятся нѣкоторыми представителями духовенства — мы можемъ не слушать: съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и съ чистой совѣстью я считаю возможнымъ игнорировать и оставлять безъ всякаго вниманія всю сюда относящуюся аргументацію тѣхъ, кто одобряетъ и благословляетъ пастырскимъ благословеніемъ быть можетъ одно изъ самыхъ великихъ насилій, какое знаетъ исторія — японскую войну и всѣ другія войны. А вѣдь тутъ уже не простое насиліе, *а насиліе убійствомъ*, а какое бы то ни было убійство *безусловно* недопустимо съ христіанской точки зрѣнія и *абсолютно* запрещено Словомъ Божіимъ.

Такимъ образомъ, поставленный нами вопросъ съ теоретической точки зрѣнія является совершенно открытымъ. До сихъ поръ на него не отвѣчено ни христіанскаго «да», ни христіанскаго «нѣтъ». Мы предоставлены собственнымъ силамъ и собственному разумѣнію.

Съ Евангеліемъ въ рукахъ и попытаемся найти, быть можетъ, очень узкую и извилистую, но, конечно, существующую тропинку.

III.

Начнемъ съ очевиднаго и безспорнаго.

И христіане, конечно, не станутъ спорить со старымъ Аристотелемъ, что человѣкъ по природѣ своей есть существо «общежительное». Естественныя науки, соціологія и исторія культуры очень убѣдительно показываютъ, что человѣкъ разнообразными, можетъ быть, непримѣтными, но тѣмъ не менѣе дѣйствительными нитями, связанъ, во-первыхъ, съ окружающей средой, во-вторыхъ,

съ умершими поколѣніями, и находится подъ перекрестнымъ дѣйствіемъ цѣлой сѣти вліяній, идущихъ со стороны прошлаго и настоящаго. Размѣръ и истинныя очертанія этихъ вліяній, культурныхъ и некультурныхъ зависимостей выяснить въ точности, конечно, невозможно, но фактъ, въ общемъ видѣ, на лицо и отрицать простую его наличность является невозможнымъ. Съ какой нибудь точки зрѣнія фактъ этотъ можетъ быть малозначительнымъ, безразличнымъ или даже утѣшительнымъ. Но для христіанскаго сознанія, воспринимающаго его извнутри—онъ имѣетъ совершенно исключительное значеніе и таитъ въ себѣ самую мучительную проблему.

Буду говорить конкретнѣе.

Для христіанина, какъ и для всякаго человѣка и даже просто живого существа, необходимымъ условіемъ какой бы то ни было дѣятельности (и, значитъ, дѣятельности христіанской) является *жизнь*—жизнь, понимаемая въ самомъ элементарномъ, физіологическомъ смыслѣ этого слова. Но необходимымъ условіемъ такой жизни является питаніе. Питаніе же уже связываетъ человѣка съ другими людьми эмпирическими связями. Мы пьемъ воду, которая падаетъ къ намъ не прямо съ неба, а доставляется по водопроводамъ. Эти же водопроводы выросли не сами, какъ грибы послѣ дождя, а создались трудомъ людей, которые, роя землю и скрѣпляя цементомъ камни, обливались потомъ, работали изъ нужды, быть можетъ оторванные отъ деревни и бросившіе семью, и получали за это несправедливую, минимальную, совершенно не соотвѣтствующую ихъ труду плату. Мы ѣдимъ хлѣбъ, и онъ, конечно, выросъ не самъ. Его взростилъ, охая и молясь, голодающій мужикъ, его пекли, въ непормальныхъ условіяхъ, опять тѣ же мужицкія, нуждою отъ сохи оторванныя руки.

Я уже не говорю о нашей одеждѣ и затѣмъ о всемъ томъ, что мы носимъ, ѣдимъ, потребляемъ и истребляемъ безъ всякой необходимости. Если бы все это производилось нормально, правильно распредѣленнымъ трудомъ, ну, хотя бы въ тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мечталъ и проповѣдывалъ Рескинъ—тогда бы разговоръ былъ совсѣмъ иной. Но вѣдь условія жизни тѣхъ, чьими трудами доставляется необходимое для нашего питанія и жизни—извѣстны, значитъ, каждымъ моментомъ своей личной жизни мы необходимо участвуемъ въ соціально-экономической неправдѣ всего строя нашей

общей жизни. Статистика констатируетъ, что при такихъ-то видахъ фабричнаго производства время жизни рабочихъ значительно сокращается, а при такихъ-то самые здоровые работники—выдерживаютъ не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ и умираютъ. Зависимостью отъ того, что они производятъ, мы участвуемъ въ неправдѣ противъ нихъ. Ихъ преждевременная смерть наше дѣло и наша вина.

Еслибъ для продолженія нашей жизни, намъ бы сказали, что мы должны собственноручно отравить хотя бы одного человѣка, навѣрное на такую операцію согласились бы очень немногіе. Собственноручно отравить... Да вѣдь это преступленіе, это злодѣяніе. И оказывается, что каждымъ днемъ своей жизни мы всѣ, безъ всякаго исключенія, дѣйствительно совершаемъ это преступленіе — дѣйствительно участвуемъ въ этомъ злодѣяніи. Будучи связаны физіологической необходимостью питаться и одѣваться съ общимъ механизмомъ нашего соціально-экономическаго строя, результатъ котораго на лицо, мы всѣ такъ или иначе ходимъ по чужимъ ранамъ, обезображиваемъ дѣтскія лица, вырываемъ изъ семей дѣвушекъ для публичныхъ домовъ.—*Мы всѣ, одинъ больше, другой меньше, участвуемъ и живемъ въ преступленіи.* Тутъ безконечно важно, что въ преступленіи этомъ участвуютъ *всѣ* и *неизбѣжно* противъ воли и противъ желанія, даже безъ сознанія. *Всѣ виноваты одной виной.*

Дѣло усложняется для христіанина тѣмъ, что для него отдѣльныхъ людей, какъ самодовлѣющихъ атомовъ, и нѣтъ: всѣ принадлежатъ къ единому тѣлу человѣчества, понимаемаго, какъ единое существо, какъ становящаяся Церковь. Кромѣ того, для христіанина прошлаго, которое бы ушло безвозвратно, которое бы кануло въ Лету безконечно,—совсѣмъ и нѣтъ, ибо каждый моментъ и все прошлое живетъ и сохраняется въ Богѣ, въ Богѣ оно такъ же дѣйствительно, какъ настоящее и будущее.

Но разъ такъ, то, необходимо участвуя своей жизнью въ неправдѣ хотя бы противъ *одного* человѣка, я погрѣшаю и виноватъ не только передъ нимъ лично, но и передъ всѣмъ живымъ тѣломъ человѣчества. Отдаленно участвуя, напримѣръ, куреніемъ въ растлѣніи работницъ на табачныхъ плантаціяхъ, я становлюсь причастенъ растлѣнію не только ихъ лично, но и растлѣнію всего человѣчества, т. е. становящагося тѣла Христа. Кому изъ христіанъ странна такая

мысль, тотъ пусть продумаетъ и переживетъ слѣдующія слова апостола Павла, которыя вѣдь находятся въ Новомъ Завѣтѣ и потому стоятъ того, чтобы надъ ними задуматься: «развѣ не знаете, что *тѣла ваши суть члены Христовы?* Итакъ, отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы? Да не будетъ!» (I Кор. VI, 7) или болѣе простыя и болѣе понятныя слова Христа: «Тогда скажетъ тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его: ибо алкалъ Я и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ и вы не напоили Меня; боленъ и въ темницѣ и не посѣтили Меня. Тогда они скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! Когда мы видѣли Тебя алчущимъ и жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Тебѣ? Тогда скажетъ въ отвѣтъ: *истинно говорю вамъ: такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ*».

Но если меньшая страдающая братія—не въ переносномъ смыслѣ, а дѣйствительно и подлинно (*«истинно* говорю вамъ») *есть страдающій Христосъ*, то, участвуя въ соціально-экономической неправдѣ, т. е. въ неправдѣ противъ «меньшихъ сихъ», мы участвуемъ въ продолжающемся и теперь *распинаніи Христа*.

Могутъ сказать: мыслима и возможна такая совершенная христіанская жизнь, при которой въ общественной и экономической неправдѣ абсолютно никакого участія можно не принимать. На это я отвѣчу: во-первыхъ, если она и мыслима отвлеченно и даже конкретно представима, то фактически ея нѣтъ, во-вторыхъ, я отрицаю самую возможность такой абсолютной несвязанности съ соціально-экономической неправдой и вотъ почему:

Допустимъ даже маловозможное. Представимъ себѣ человѣка, который пьетъ воду не изъ водопровода, а изъ ключа или дождевую или какую-нибудь тамъ другую, и ѣсть хлѣбъ, имъ самимъ посѣянный, сжатый, смолотый и испеченный. Ну и больше ничего не ѣстъ и ни въ какихъ связяхъ съ людьми не состоитъ. Перестаетъ ли онъ тѣмъ самымъ участвовать въ соціально-экономической неправдѣ? Активно увеличивать тяготу жизни всѣхъ другихъ? Приходится отвѣчать: нѣтъ не перестаетъ. Внѣшне огородиться отъ другихъ и уйти въ пустыню онъ, конечно, можетъ, но внутренно освободиться отъ

связей съ человѣческимъ и космическимъ зломъ и отъ увеличенія общей тяготы жизни и общаго грѣха для него совершенно нельзя. Ибо пусть онъ отъ юности своея соблюдалъ заповѣдь: не убій, но въ Евангеліи сказано: «*всякій ненавидящій брата своего есть человѣкоубійца*» (I Іоан. Ш, 15). Пусть онъ отъ юности своея былъ дѣвственнымъ и цѣломудреннымъ, но въ Евангеліи говорится: «Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ». (Матѳ. V, 27, 28). Можетъ ли хоть одинъ человѣкъ сказать про себя, что онъ и въ мысляхъ никогда не погрѣшалъ, что у него и помысла никогда дурного не было, что онъ въ сновидѣніи, въ забытьѣ или забывшись не увлекался пожеланіями? Конечно, не можетъ и никто не можетъ. Но разъ такъ, то, значитъ, онъ участвовалъ помысломъ въ растлѣніи и убіеніи не воображаемаго лица, а реальнаго тѣла Христова,—какъ говоритъ апостолъ: «развѣ не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы». Но участвуя помысломъ, онъ уже прелюбодѣйствовалъ въ сердцѣ своемъ, т.-е. реально погрѣшалъ противъ всего тѣла Христова, т.-е. противъ каждаго изъ людей въ отдѣльности и противъ всего человѣчества въ цѣломъ.

Но тогда нужно сказать: разъ я погрѣшилъ и погрѣшаю передъ всѣми и виноватъ передъ всѣми, то нѣтъ на свѣтѣ такого зла и такого преступленія, въ которомъ бы я не участвовалъ какъ-то, виновникомъ котораго какъ-то я себя не чувствовалъ. Говорятъ о грязной полицейской расправѣ, виноватъ и я, спиваются съ горя, виноватъ и я; ссорятся, завистничаютъ, ненавидятъ, виноватъ и я. Это я виноватъ въ холодномъ отчаяніи самоубійцы, я подношу дуло къ его вискамъ. Моимъ грѣхомъ держатся Тверской бульваръ и публичные дома. Нищіе всего міра бѣдствуютъ какъ-то и черезъ меня. Во всемъ злѣ жизни, во всѣхъ неправдахъ и преступленіяхъ участвую какъ-то и я. Но я не хочу неправды, не хочу зла, не хочу чужихъ страданій и чужого горя. Не хочу и каюсь, прошу у всѣхъ и всего прощенія, плачу и молюсь, готовый на крестныя муки, лишь бы только во всемъ этомъ не участвовать. Но если такъ, тогда покаянными слезами омываются мои грѣхи и силою свыше въ душѣ моей воздвигается *Вѣчная Голгоѳа*. Тутъ свершается новая, пре-

бывающая доколѣ пребываетъ этотъ міръ — жертва. Все зло міра, поскольку я принялъ его въ душу свою черезъ чувство вины, возносится на крестъ, искупается крестными страданіями, пречистымъ Тѣломъ и пречистой Кровью Спасителя. Тутъ у подножія креста страданіями и слезами очищаюсь я отъ совершенныхъ грѣховъ и получаю *силу жить*. Но связи, связавшія меня съ общимъ грѣхомъ и съ общей тяготой жизни, отъ этого не уничтожаются, а, наоборотъ, закрѣпляясь, *претворяются въ новое*. Мѣсто темной истомы и тоски за свою вину и грѣхи — занимаютъ искупленіе и чистыя страданія за другихъ; все принятое въ душу горе людское не уходитъ, а остается, только оборачивается къ душѣ другой стороной: чувство вины замѣняется чувствомъ отвѣтственности. Изъ покаянныхъ чувствъ выростаетъ любовь, которая хочетъ все заморить, все утолить и всѣмъ послужить. Вотъ что значитъ «носить въ себѣ язвы Спасителя» «сораспяться Христу», вотъ что значатъ слова Апостола «мы всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ смертной плоти нашей» (2 Кор. IV, 10).

Это все внутри, въ глубинѣ души.

Но это прикосновеніе къ Тайнѣ Христовыхъ страданій, преображая самое сердце душевной жизни, мѣняетъ всю душевную жизнь и, значитъ, ту ея часть, которая направлена во внѣ; внѣшнюю дѣятельность, проявленіе и дѣла дѣятельной Христовой любви, которая хочетъ все загладить и всѣмъ послужить. И прежде всего *загладить*. Если я съ вышины пустилъ камнемъ внизъ, а внизу стоитъ народъ и камень, навѣрное, кого-нибудь ушибетъ или убьетъ, и я знаю это, и уже раскаялся въ этомъ, и уже не хочу, чтобы это было, но камень все летитъ, ибо онъ пущенъ, то я не могу ужъ остаться спокойнымъ, я долженъ броситься внизъ, предупредить тѣхъ, кто внизу, пока онъ еще летитъ; или же, если онъ кого-нибудь ужъ ударилъ, подать тому помощь, просить прощенія и дѣлать что угодно, хотя бы глупости, только не оставаться безучастнымъ. Если я бросилъ отраву въ источникъ, который течетъ по разнымъ мѣстамъ, и я знаю, что люди самые разные, дѣти, юноши, дѣвушки, старики и старушки будутъ приходить къ нему и черпать изъ него, чтобы пить, а я уже раскаялся и не хочу вовсе, чтобы они пили отраву,

то, конечно, я долженъ сдѣлать и дѣлать все, чтобъ только предупредить несчастье или быть съ тѣми, кого несчастье по моей винѣ уже застигло. Но вѣдь всей своей жизнью, каждымъ нехорошимъ поступкомъ, каждой грѣшной мыслью и нечистымъ помысломъ я пускалъ въ человѣчество не одинъ камень, а цѣлыя массы, бросилъ не одну отраву, а цѣлые ворохи; и камни эти пущенные уже летятъ и, можетъ быть, уже принесли ушибы и раны; и отравы эти брошенныя уже несутъ заразу въ еще нетронутыя мѣста, можетъ быть, уже безобразятъ живыя лица, *разрушаютъ живыя ткани пречистаго Тѣла Христова.* Я покаялся у креста. Господь простилъ за страданія, которыя я Ему причинилъ, за раны, которыя и Ему нанесъ. Но развѣ отъ этого прощенія эти страданія перестали *быть*, развѣ отъ этого прощенія изъ Его ранъ перестала сочиться Пречистая Кровь? Нѣтъ, страданія эти есть и раны продолжаютъ болѣть. Ну, тогда ясно, что я долженъ дѣлать. Я долженъ дѣлать такъ, чтобы страданій этихъ не было, чтобы раны эти перестали болѣть. И тутъ ужъ все равно, одинъ ли я ихъ нанесъ или и всѣ другіе. Всего себя отнынѣ я долженъ отдать на служеніе тому, противъ кого я реально погрѣшилъ, тому, тяготу жизни кого я реально увеличилъ—*на служеніе человѣчеству.*

Такимъ образомъ, уже недостаточно переродиться внутренно и стать чистымъ въ душѣ своей, мало того: недостаточно религіозной любви и религіознаго общенія во Христѣ съ вѣрующими въ общинной жизни, т.-е. мало должнаго отношенія къ тѣмъ, кто во Христѣ, необходимо еще должное Христово отношеніе къ тѣмъ, кто внѣ Христа, внѣ церкви и внѣ общины. *Необходимо общественное служеніе.* Итакъ, чувство вины передъ всѣми, и грѣхи передъ всѣми, раскрытые и пережитые по-христіански, дѣлаютъ для христіанина субъективно необходимымъ и религіозно-должнымъ общественное служеніе, другими словами — христіанскую общественную и политическую дѣятельность въ томъ обществѣ и государствѣ, въ которомъ онъ живетъ. Но все это только субъективная сторона. Есть другая, объективная, которая, помимо того, что *нужно* дѣлать, показываетъ и то, *что* нужно дѣлать.

IV.

Чувство вины открываетъ передъ нами, что мы связаны съ другими, насъ, какъ отдѣльныхъ, нѣтъ, мы существуемъ лишь какъ часть всѣхъ. *Мы и другіе одно.* Въ нашемъ сознаніи обозначается *цѣлое*, появляется извнутри зрѣніе на человѣчество, какъ Единое Существо, съ которымъ мы связаны неразрывно. Если бы это было одно только наше внутреннее переживаніе и только субъективное чувство, тогда бы оно очень мало значило и ни къ чему твердому и опредѣленному повести не могло, ибо чувство вины нашей передъ всѣми, чувство покаянія нашего и любви нашей, сами по себѣ, конечно, малы и слабы. Но они безконечно важны для насъ потому, что открываютъ намъ глаза на то, что доселѣ было не сознаваемо—на многія мѣста изъ Св. Писанія, которыя объективно обрисовываютъ и опредѣляютъ то, къ чему мы подошли субъективно.

По Ветхому и Новому Завѣту человѣчество есть нѣчто единое. Одинъ человѣкъ Адамъ согрѣшилъ и грѣхъ его распространился на все человѣчество. Одинъ человѣкъ Іисусъ Христосъ отдалъ тѣло Свое и кровь Свою во искупленіе,—и искупленіе распространяется на все человѣчество. Но если человѣчество едино, то едина и церковь. Церковь же есть тѣло Христово. Отдѣльные члены этого тѣла — суть отдѣльные вѣрующіе; но вѣрующіе, какъ отдѣльные люди, являются членами единаго человѣчества. Но если они члены заразъ тѣла Христова и тѣла человѣчества — а и то и другое едино и цѣльно, — то тѣло человѣчества и тѣло Христово соединяются черезъ нихъ между собой и становятся тоже чѣмъ-то единымъ и нераздѣльнымъ. Въ членахъ церкви, живущихъ въ земныхъ условіяхъ—конкретно видно это единеніе и эта связь. Они—не святые и безусловно чистые, но могутъ *стать* святыми; они живутъ во Христѣ, но они могутъ и отпасть отъ Христа, и дѣйствительно каждымъ грѣхомъ своимъ отпадаютъ, значитъ, ихъ жизнь во Христѣ не абсолютна. Подлинно они *не суть* члены Христовы, но въ то же время подлинно, *не не суть*, ни то ни другое, а третье: они *становятся* членами Христа. Такъ и тѣло всего человѣчества подлинно *не есть* тѣло Христа и въ то

же время подлинно и *не не есть*, опять третье: тѣло человѣчества есть становящееся тѣло Христово — человѣчество есть становящаяся церковь. Церковь же имѣетъ въ себѣ тѣло и душу. Тѣло,—по слову Апостола, — есть вѣрующіе въ ихъ отдѣльныхъ сознаніяхъ; душа же—Самосознаніе, сознаніе Себя какъ Единаго Существа, какъ единаго Лица, которое согласно пророчествамъ откроется и всѣмъ вѣрующимъ въ послѣднія времена, будетъ знаменіемъ во спасеніе. Душа церкви — невѣста, готовящаяся къ браку съ Господиномъ Своимъ Христомъ.

Но если такова вѣра наша истинная и подлинная и не на устахъ только, а и въ сердцѣ нашемъ, и въ мысляхъ нашихъ и въ чувствахъ нашихъ и во всѣхъ переживаніяхъ нашихъ, если мы не только отвлеченно исповѣдуемъ эту вѣру, но и *живемъ ею, съ ней и подъ ней*, то ужъ для насъ нѣтъ больше отдѣльныхъ людей, какъ таковыхъ. Въ каждомъ мы видимъ не только его, какъ человѣческую личность, но его какъ маленькую частицу Единаго цѣлаго и, значитъ, въ немъ прозрѣваемъ и реально переживаемъ все человѣчество, какъ великій Собирательный Индивидуумъ, становящуюся церковь. Но если такъ, то ясное дѣло, что помимо обязанностей и должныхъ отношеній къ каждому изъ нихъ, опредѣляемыхъ индивидуальной христіанской моралью, т. е. любить ихъ всѣхъ, не осуждать ихъ, молиться за нихъ всѣхъ, быть смиреннымъ съ ними со всѣми до отдачи послѣдней рубашки, до подставленія правой щеки, когда ударятъ въ лѣвую,—у меня есть и другія обязанности и должныя отношенія уже не къ нимъ, а къ тому *цѣлому*, частью котораго они являются, къ тому живому Лику и Лицу, тѣломъ котораго они становятся. Служеніе этому Лику, обязанности по отношенію къ церкви опредѣляются не индивидуальной моралью, правила которой можно сформулировать, а религіозномистической моралью, правила которой несказанны и невыразимы, потому что они ни въ Іерусалимѣ, ни на Гаризинѣ, а въ Духѣ и истинѣ. Сталкивается ли или не сталкивается та и другая мораль, отмѣняетъ вторая первую или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, ясно, что вторая мораль сравнительно съ первой обязываетъ къ чему то другому, новому и особенному.

Къ чему же? Въ какомъ духѣ заставляетъ насъ дѣйствовать служеніе церкви, какъ Лику невѣсты Христовой?—служеніе человѣ-

честву какъ становящемуся тѣлу Христову? Это становится яснымъ изъ слѣдующаго:

Согласно *многочисленнымъ* указаніямъ Ап. Павла, организмъ церкви подобенъ организму человѣческому,—подобенъ настолько, что Апостолъ, разсуждая о церкви, употребляетъ, напр., такія выраженія «если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу? И если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ, то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу? Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если не слухъ, то гдѣ обоняніе?» и т. д. (1 Кор. XII, 15—17) Основываясь на этомъ, и мы будемъ разсуждать по подобію.

Каково должно быть отношеніе и каковы обязанности отдѣльнаго человѣка къ своему естественному, природному тѣлу? Въ тѣлѣ и во всей тѣлесной жизни обозначаются очень ясно двѣ стороны, которыя такъ рѣзко отличны другъ отъ друга, что съ полнымъ правомъ можно сказать, что одна сторона—путь погибели и смерти, другая путь спасенія и жизни. Одна сторона вмѣстѣ со всей тварью, стеная и мучаясь, ожидаетъ воскресенія, и когда оно касается, съ радостью принимаетъ Сына Божія, пріобщается Его пречистому тѣлу по слову апостола: «развѣ вы не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы»? Въ другой же господствуетъ «инъ законъ» грѣховной плоти, дѣла коей, какъ говоритъ апостолъ, извѣстны: они суть прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство (Гал. V, 19). Сообразно съ этимъ и отношенія къ той или другой сторонѣ должны быть совершенно различны, къ одной отрицательныя, къ другой положительныя. И не пассивно отрицательныя, а активно. Для того, чтобы въ природномъ человѣкѣ могла открываться святая жизнь тѣла, для того, чтобы это естественное тѣло могло вмѣщать въ себѣ образъ нетлѣнія будущей славы,—ту, другую сторону,—похоть, необходимо *обуздывать*: поднимется пожеланіе — напряженіемъ его *побороть*, возникнетъ позывъ, *насильно его подавить*. Если жъ пожеланіямъ и позывамъ дать свободу развиваться, то они, получивши силу, захватятъ власть надъ *всѣмъ* тѣломъ, все его загрязнятъ и осквернятъ, по слову апостола, отнимутъ члены Христовы, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы (I Кор. VII, 7).

Итакъ, къ тѣлу обязанности: *претворять* молитвой въ тѣло Христово и *обуздывать* во имя этого претворенія. И обуздывать прежде, ибо безъ обузданія, безъ побѣды надъ одной стороной тѣла, невозможна святая жизнь другой.

Дѣлаемъ выводы: если мы не забавляемся и не въ метафоры играемъ, говоря о человѣчествѣ, какъ о становящейся Церкви Невѣсты Христовой, если мы подлинно вѣруемъ, что оно есть Единое живое существо, то указанныя выше обязанности по отношенію къ тѣлу индивидуальному, къ тѣлу отдѣльнаго человѣка, сохраняютъ всю свою силу и все свое значеніе и по отношенію къ тѣлу коллективному, къ *тѣлу всего человѣчества*. И въ коллективномъ тѣлѣ человѣчества, становящейся Церкви, мы должны различить двѣ стороны—должную и недолжную—святую и грѣховную, Господню и діаволову. Но если всемірно-историческій процессъ есть процессъ становленія человѣчества подлиннымъ Богочеловѣчествомъ, т. е. Богочеловѣчествомъ по образу Богочеловѣка Іисуса Христа, въ Которомъ оба естества, и Божеское и человѣческое, соединялись совершеннымъ образомъ, т. е. безъ подавленія и уничтоженія одного естества другимъ, то и для постановленія универсальнаго Богочеловѣчества нужны не только одна воля и любовь Божія, но и свободная самодѣятельность человѣчества, приготовляющаго въ себѣ всѣ отрицательныя условія, при которыхъ воля Божія и любовь Божія можетъ дѣйствовать въ немъ и осуществляться. Но разъ нужна свободная самодѣятельность людей—то указанныя выше обязанности лежатъ и на людяхъ, должны быть выполняемы людьми и чрезъ людей. Относительно второй обязанности—претворять тѣло человѣчества въ тѣло Христово и положительно содѣйствовать становленію его Богочеловѣчествомъ затрудненій внутреннихъ не встрѣчается. Труденъ и сложенъ вопросъ о конкретномъ осуществленіи этой задачи, но принципіальную желательность положительнаго религіознаго воздѣйствія на общественныя отношенія врядъ ли многіе станутъ оспаривать, и хотя вопросъ этотъ именно въ наше время является наисущественнымъ и требуетъ самой детальной разработки, я коснусь его бѣгло, потому что прямого отношенія къ моей темѣ, къ вопросу о собственности, онъ не имѣетъ.

Въ этой положительной дѣятельности три стороны – всѣ три равно необходимы и важны; изъ нихъ первую мы знаемъ на опытѣ нашемъ,

вторую жаждемъ, имѣя живой образъ ея въ прошломъ, третью только предчувствуемъ и чаемъ. *Первая*—это *личная* работа во всѣхъ ея видахъ, отъ свободнаго изслѣдованія и службы въ земствахъ и попечительствахъ до наиболѣе высокой личной культуры—поэзіи и музыки; *вторая*—это созданіе *общинной* жизни, въ которой, оплодотворяясь религіознымъ общеніемъ, личныя силы превращаются въ новый видъ религіозной энергіи, качественно отличный отъ энергіи личной и превосходящій ее количественно по интенсивности; *третья*—это то, къ чему звалъ уже въ своихъ первыхъ работахъ Влад. Соловьевъ, созданіе «великаго и таинственнаго искусства», «свободной теуріи» («Кр. отв. нач », стр. 334, 335) или, какъ говоритъ теперь Вяч. Ивановъ, «созданіе всенароднаго искусства» — и «религіозныхъ дѣйствъ».

V.

Но эта положительная религіозная дѣятельность не можетъ быть хоть сколько-нибудь дѣйственной, если не будетъ выполняться *первая* обязанность, не будетъ подавляться и устраняться то, что пассивно мѣшаетъ и активно препятствуетъ становленію человѣчества Богочеловѣчествомъ. Но тутъ поднимается нѣсколько очень существенныхъ вопросовъ.

И первый вопросъ такой: что значитъ конкретно діаволова сторона въ жизни человѣчества, которая нуждается въ обуздываніи? Значитъ она вотъ что:

Если можно ѣсть не просто, а во славу Божію, т. е. чисто и свято и чрезъ питаніе касаться цѣлой стороны міровой жизни и вмѣстѣ со всѣмъ, что питается—славить Бога, то всѣ отношенія, необходимо возникающія между людьми на почвѣ *этого* питанія и вообще всѣхъ необходимыхъ потребностей тѣла, т. е. въ элементарномъ видѣ отношенія уже экономическія, могутъ быть такими же чистыми и святыми. Но можно ѣсть и не во славу Божію, а во славу діавола. Можно изъ тѣлесныхъ потребностей создавать себѣ источникъ утонченныхъ и грубыхъ наслажденій, пожеланій и вожделѣній—чрево и то, что ниже чрева, можетъ стать богомъ; и тогда вмѣсто святости жизни тѣлесной получается мерзость жизни плотской и скотской, которая доходитъ и до «глубинъ сатанинскихъ». Но это уже

отражается на строѣ отношеній къ другимъ. Ибо вожделѣнія и пожеланія удовлетворяются насчетъ этихъ другихъ,—ихъ трудами и усиліями и даже ими самими, ихъ тѣлами и ихъ жизнью. А такъ какъ они добровольно на это не соглашаются, то ихъ заставляютъ силой и принужденіемъ. Отсюда власть, а изъ власти принудительная постоянная эксплуатація. Извращеніе жизни индивидуальнаго тѣла переносится въ жизнь тѣла коллективнаго; жизнь нормальная въ тѣлѣ человѣчества уничтожается, образуется растлѣніе и зараза, которая губитъ живыя клѣточки и живыя ткани, могущія стать живыми клѣточками и живыми тканями тѣла Христова. Въ тѣлѣ человѣчества обнаруживается *экономическая похоть*. Если на этихъ извращенныхъ экономическихъ отношеніяхъ выростаютъ извращенныя отношенія соціальныя, то нарождается *похоть соціальная*; если послѣдняя юридически закрѣпляется политическими формами, то нарождается *похоть политическая*. Эта троякая похоть и есть діаволова сторона въ естественномъ тѣлѣ человѣчества. Съ нею и нужно активно бороться, и активно ее обуздывать. Опредѣлять, въ чемъ выражается она конкретно, въ виду существованія газетъ, является совершенно излишнимъ. Въ каждомъ номерѣ любой газеты стоятъ кошмарными рядами краснорѣчивые факты и фактики, достойные быть занесенными въ коллекцію фактовъ и фактиковъ Ивана Карамазова.

Но тогда подымается второй вопросъ и въ немъ есть дѣйствительное затрудненіе, требующее разрѣшенія. Нужно обуздывать похоть экономическую (два другихъ вида похоти оставляю въ сторонѣ, какъ не относящіеся къ моей темѣ) — но какъ, какими средствами? Убѣжденіемъ, пропагандой, словомъ, личнымъ примѣромъ? Но вѣдь эти средства не дѣйствительныя, не дѣйственныя, въ лучшемъ случаѣ, при наибольшемъ развитіи силы—только палліативы, а то и просто полное ничто, такъ одна забава. Какъ же быть? Закрыть уже раскрывшіеся глаза, отойти въ уголокъ, обольстивъ себя «самоусовершенствованіемъ»? Ужъ конечно нѣтъ Нужно не то: нужно перестать быть толстовцами и буддистами и стать христіанами. Повсемѣстно, по всѣмъ странамъ выработаны самой жизнью опредѣленныя формы борьбы съ экономическою похотью и неправдою экономическихъ отношеній: стачки, забастовки и устройство союзовъ. Нужно принять эти старыя формы, наполнить ихъ новымъ духомъ и сдѣлать ихъ хри-

стіанскими средствами. Для этого, повторяю, нужно перестать быть толстовцами и стать христіанами. Въ стачкѣ несомнѣнно есть элементъ насилія. Она имѣетъ цѣлью противъ воли того, на кого направлена, вынудить согласіе на извѣстныя мѣры, *принудить* къ уступкамъ. Тутъ-то и возражаютъ: можетъ ли христіанинъ что нибудь требовать, къ чему-нибудь выпуждать, когда христіанину заповѣдуется: если просятъ одну рубашку, отдай и другую, если ударятъ въ одну щеку, подставь и другую? Но сколько въ этомъ возраженіи подъ видимой правдивостью скрыто глубокой лжи, глубокаго недовѣрія и самыхъ антихристіанскихъ настроеній, это показать не трудно.

Толстовецъ и буддистъ, конечно, могутъ изъ Евангелія выпускать все имъ неподходящее и это будетъ естественно и въ извѣстномъ смыслѣ дозволительно. Но христіанину съ Евангеліемъ обращаться «свободно» ужъ, конечно, совершенно и ни въ коемъ случаѣ не подобаетъ. Былъ ли Христосъ совершеннымъ воплощеніемъ христіанскаго настроенія и христіанскаго поведенія? Христіане, конечно, отвѣтятъ: «да». Но тогда откроемъ 27-ю главу Евангелія отъ Іоанна (такъ знаменательно, что подробнѣе всего пишетъ объ этомъ апостолъ *Любви*) и прочтемъ:

13. Приближалась Пасха іудейская и Іисусъ пришелъ въ Іерусалимъ.

14. И нашелъ, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей и сидѣли мѣновщики денегъ.

15. И сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, такъ же и овецъ и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ.

16. И сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли.

17. При семъ ученики Его вспомнили, что написано: ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня (Іоан. II, 14—17).

Я не знаю, нужно ли тутъ что-нибудь комментировать? Никакими разсужденіями не скажешь больше, чѣмъ сказано въ этихъ словахъ непосредственно. Когда Христосъ свивалъ бичъ изъ веревокъ, когда Онъ выгонялъ изъ храма торговцевъ, когда онъ опрокидывалъ столы мѣновщиковъ (только представить это конкретно!) неужели же Онъ не былъ Христомъ, не былъ Богомъ и Спасите-

лемъ нашимъ? Неужели бы въ эту минуту могли подойти къ Нему современные фарисеи и книжники и задать свои вопросы, уподобляясь тѣмъ, которые при распятіи говорили, кивая головами: «э! разрушающій храмъ и въ три дня созидающій! Спаси Самого Себя и сойди съ креста» (Марк. XV, 29, 30) и которые вѣдь думали тоже, что и они уличаютъ Христа въ противорѣчіи. Вѣдь значитъ же это мѣсто, что можно, свивая бичъ и опрокидывая столы, оставаться вѣрнымъ Христу, внутренно быть готовымъ на отдачу послѣдней рубашки, на подставленіе правой ланиты? А разъ можно, то значитъ вопросъ нашъ теоретически и принципіально рѣшается въ положительномъ смыслѣ. Изъ стачки *можно* сдѣлать христіанское средство борьбы. Но если *можно* сдѣлать—то это конечно еще не значитъ, что уже *сдѣлано*, не значитъ, что *всякая* стачка есть христіанское средство и что существующія и извѣстныя намъ историческія формы стачки есть именно то, о чемъ мы говоримъ. Очень близко подходитъ къ тому, о чемъ мы говоримъ, громадное по своему внутреннему смыслу движеніе 9-го января. Оно носитъ по истинѣ христіанскій характеръ. Но и оно еще не можетъ быть названо вполнѣ тѣмъ, что мы считаемъ дѣйствительно христіанскими формами стачки.

Стачки могутъ быть двоякаго рода и сообразно съ этимъ и отношеніе къ нимъ должно быть неодинаковое.

1. Стачки обычныя (если они не соединены съ *убійствами*), хотя и не могутъ особенно рекомендоваться—но вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ и *отрицаться* безусловно до тѣхъ поръ, пока не создано ничего, что могло бы ихъ замѣнить и сдѣлать ихъ уже болѣе ненужными. Къ нимъ должно быть отношеніе такое же, какъ къ гигіенѣ или медицинѣ. Послѣднія имѣютъ цѣлью сохраненіе физическаго здоровья или возстановленіе его, если оно нарушится. Обычная экономическая борьба—путемъ союзовъ—организованныхъ стачекъ и дѣлаетъ въ тѣлѣ всего человѣчества то, что медицина и гигіена дѣлаетъ для здоровья тѣла отдѣльнаго человѣка. Но если примѣненіе средствъ *соціальной гигіены* не должно быть воспрещаемо христіанину—то вмѣстѣ съ тѣмъ оно никогда не можетъ явиться сколько-нибудь высшей формой его дѣятельности. На христіанахъ въ мірѣ лежитъ обязанность не столько *сохранять* эгоизмъ въ томъ видѣ и въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ оно дается, сколько наполнять ее новымъ со-

держаніемъ, творить новыя формы — развивать, углублять ее—словомъ всѣми силами двигать ее впередъ къ завѣтной послѣдней цѣли. И вотъ въ борьбѣ съ экономическимъ рабствомъ христіанство должно создать новыя формы стачки.

2. *Стачки новаго типа* такъ же принципіально отличаются отъ стачекъ обычныхъ, какъ принципіально отличается *аскетика* отъ гигіены. Гигіена имѣетъ цѣлью здоровье физическое, аскетика — моральное и духовное, т.-е. то *общее* здоровье индивидуума, въ которое, какъ подчиненный моментъ, входитъ и здоровье физическое. Стачки новаго типа, какъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ *соціальной аскетики*, должны имѣть цѣлью не эмпирическое благосостояніе большаго или меньшаго количества лицъ, а усиленіе нормальности въ теченіи самыхъ высшихъ и самыхъ важныхъ процессовъ, совершающихся въ человѣчествѣ. Они должны облегчить муки родовъ—становленіе человѣчества—богочеловѣчествомъ. Для этого становленія необходимо, чтобъ всѣ индивидуумы человѣческаго рода были освобождены когда-нибудь изъ тисковъ экономическаго рабства, для сознательнаго и *внутренняго* самоопредѣленія, которое не можетъ произойти, пока внѣшнія условія не перестанутъ быть *принудительно* порабощающими. Этой борьбѣ за экономическое освобожденіе новый принципъ соціальной аскетики придаетъ и новый характеръ и совершенно новый духъ—духъ властный, пророчественный духъ работы Господней, совершаемой со страхомъ и трепетомъ. Такія стачки станутъ возможными лишь тогда, когда имъ найдется опора въ реальномъ человѣческомъ мірѣ, когда правда общинной жизни будетъ не обличительнымъ идеаломъ для христіанъ, а живою повседневной практикой. Такія стачки могутъ быть результатомъ лишь планомѣрнаго реализованія уже реализованной правды общинной жизни на окружающій ее міръ насилія, гнета—и порабощенія.

По самому существу дѣла въ перспективахъ будущаго, (поскольку онѣ могутъ быть ясны теперь)—и эти стачки новаго типа будутъ носить характеръ лишь временныхъ мѣръ. Съ одной стороны грядущее торжество соціализма сдѣлаетъ ненужнымъ всякую борьбу за *экономическое* освобожденіе и тогда всѣ силы возрожденной церкви должны быть направлены на послѣднюю и самую трудную борьбу за освобожденіе *изъ рабства духовнаго* (которое соціализмъ

лишь видоизмѣнитъ и отольетъ въ послѣднія формы). Съ другой стороны, все усиливающееся возрожденіе истинной церкви откроетъ такія силы и такіе, дѣйственные пути вліянія на окружающую церковь общественную среду, что и разбираемый видъ соціальной аскетики будетъ оттѣсненъ въ сторону другими болѣе мирными видами. Онъ можетъ стать даже совсѣмъ непужнымъ какъ становятся излишними для отдѣльнаго человѣка формы внѣшняго аскеза— когда начнетъ въ немъ дѣйствовать и явно присутствовать Святой Духъ.

Но пока продолжаетъ (*и во все время пока будетъ продолжать*) дѣйствовать въ тѣлѣ человѣчества похоть экономическая и продолжаетъ давить, мучить, надругиваться и обезсиливать въ неравной борьбѣ тысячи и десятки тысячъ безумныхъ человѣческихъ индивидуальностей и не давать раскрываться имъ и самоопредѣляться духовно; пока нѣтъ той живой силы Господней въ церкви, чтобъ оно могло какими нибудь другими, но такими же дѣйственными путями бороться съ разрушительнымъ дѣйствіемъ этой похоти— до тѣхъ поръ обязанность всѣхъ христіанъ принимать самое дѣятельное участіе въ совершающейся экономической борьбѣ и всѣми силами стараться создать новыя болѣе соотвѣтствующія христіанскія идеи метода этой борьбы, новыя формы христіанской общественности. И вотъ въ данномъ вопросѣ—въ вопросѣ о собственности— мы и зовемъ всѣхъ христіанъ къ организаціи и развитію *стачекъ новаго типа!*

Но, можетъ быть, скажутъ: Христосъ вознегодовалъ святымъ гнѣвомъ оттого, что домъ Отца Его сдѣлали вертепомъ разбойниковъ, а ведь въ экономической борьбѣ никакого «дома Отца» нѣтъ и впутывать сюда Христа—унизительно для религіознаго чувства, да и на святой гнѣвъ люди не способны. Зачѣмъ же сближать положенія, ничего общаго не имѣющія?

Скажу и на это: возраженіе это мнимое, обличающее тѣхъ, кто его дѣлаетъ, въ полномъ внутреннемъ невѣріи и цинизмѣ. Для кого весь міръ и все, что происходитъ въ мірѣ—только «сѣрая борьба», въ которую унизительно впутывать Христа, тотъ не только во Христа не вѣруетъ, а просто ни во что не вѣруетъ, ни въ какого Бога не вѣруетъ, тотъ позитивистъ до мозга костей, тотъ въ сердцѣ

своемъ «домъ Отца» сдѣлалъ дѣйствительно домомъ торговли, купли и продажи, будничныхъ явленій, вызывающихъ чеховскія настроенія и микроскопическія настроенія и больше ничего. Онъ и уподобляется тѣмъ, для кого свилъ изъ веревокъ бичъ Христосъ. Экономическая жизнь есть такой же подлинный «домъ Отца», какъ и все другое. Ибо каждый изъ угнетателей есть *оскверняемый* храмъ Бога живого, каждый изъ угнетаемыхъ *разрушаемый* храмъ Бога живого, а потому въ каждомъ дѣйствительно вѣрующемъ эта сѣрая экономическая борьба вызываетъ не другую какую-нибудь ревность, а *ревность по Богѣ*, а въ комъ не вызываетъ, такъ тотъ и не вѣритъ въ Христа абсолютно. Стачка, какъ дѣйствительное средство обузданія экономической похоти въ тѣлѣ человѣчества, вызывается именно ревностью о домѣ Господнемъ, о тѣлѣ Христовомъ, а потому она и есть тотъ бичъ, которымъ Христосъ изгонялъ изъ храма торговцевъ Сказанное о стачкѣ распространяется и на устройство союзовъ. А что люди самые обыкновенные, не святые, а просто честные, не способны на святой гнѣвъ—такъ то клевета на людей. Кто живетъ самъ въ рабствѣ, кто не знаетъ свободныхъ порывовъ, свободныхъ движеній и свободныхъ чувствъ, только тотъ можетъ утверждать такія вещи. Люди способны на святую любовь, и ужъ святой гнѣвъ знакомъ каждому свободному человѣку. Когда на нашихъ глазахъ, не одинъ, а цѣлыя массы людей, оставляя все и презирая личную опасность, даже до безбоязненнаго отношенія къ смерти, спокойно идутъ на то, къ чему зоветъ ихъ совѣсть, мы, конечно, можемъ упрекать ихъ въ чемъ угодно, только не въ отсутствіи той свободы, которая на каждую подлость, на каждую низость можетъ возгораться безкорыстнымъ святымъ негодованіемъ.

Итакъ, мы уяснили теперь, какія средства могутъ быть употребляемы, какъ христіанскія, въ дѣлѣ обузданія экономической похоти—это забастовки, стачки, устройство союзовъ. Этимъ самымъ мы нашли отвѣтъ и на третій поставленный нами вопросъ: каково должно быть отношеніе вѣрующихъ къ собственности невѣрующихъ или иначе вѣрующихъ?

Неся въ себѣ полную свободу отъ всякой собственности и установивъ въ средѣ своей полное общеніе имуществъ, вѣрующіе и во внѣ, въ общественной стихіи, должны обуздывать экономическую по-

хоть, устанавливать нормальныя экономическія отношенія, положительными и отрицательными религіозными воздѣйствіями утверждать и здѣсь ту Божью правду о собственности, которая осуществлена ими въ интимной жизни и въ личныхъ отношеніяхъ.

Практическая программа дѣйствій (въ узкомъ смыслѣ) опредѣляется уже мѣстомъ и временемъ и всей совокупностью обстоятельствъ; послѣднія обрисовываются *фактами*, а факты нужно искать, конечно, не въ эмпиреяхъ, а въ *эмпиріи*, которая съ интересующей насъ стороны вѣдается особымъ отдѣломъ наукъ, называющихся науками экономическими. Эти же науки, какъ и вся наука вообще, суть для насъ живыя явленія и проясненія въ человѣческомъ сознаніи того Самого *Логоса*, о которомъ въ Евангеліи отъ Іоанна сказано: ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος (Іоан. I, 1), а потому фактическія указанія ихъ принимаемъ съ полнымъ довѣріемъ и практическую программу строимъ сообразно съ ними.

Но это уже совершенно новый вопросъ.

В. Эрнъ.